

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ
В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА — БРОНЗЫ
СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Санкт-Петербург
1995

1995

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
STATE UNIVERSITY OF SARATOV

**CONVERGENCE AND DIVERGENCE
IN THE DEVELOPMENT OF
CHALCOLITHIC – BRONZE AGE
CULTURES IN MIDDLE AND EASTERN
EUROPE**

MEETING PAPERS
AUGUST 21–25, 1995, SARATOV

St.-Petersburg
1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ
В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР
ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА — БРОНЗЫ
СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
21–25 АВГУСТА 1995 ГОДА, САРАТОВ

Санкт-Петербург
1995

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 25

Редакционная коллегия: В. С. Бочкарев (отв. редактор),
Л. Б. Кирчо, В. М. Массон, М. Б. Рысин

**Издано при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда**

ISBN 5-201-01171-3

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

В. М. Массон
(Санкт-Петербург)

КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР

1. Конвергенция и дивергенция являются важными чертами культурного процесса и в настоящее время и в древности, играя существенную роль в ритмах культурогенеза. Понятие конвергенция, от латинского “приближаюсь, схожусь”, широко использовавшееся в дарвиновской биологии, означает сходство, явившееся не результатом общего происхождения, а вследствие приспособления к относительно одинаковым условиям жизни. В отечественной исторической науке, в пору пика догматизма, конвергенции в социально-экономических процессах стали придавать детерминистский, почти мистический характер, пытаясь ею подкрепить концепцию универсальности пятичленной схемы социально-экономических формаций.

2. Целый ряд факторов способствовал проявлению феномена конвергенции в культурогенезе древних обществ. Одним из таких факторов было установление нового образа жизни, особенно таких эпохальных его типов как, например, раннеземледельческий и степной. Важной движущей силой был социальный фактор, особенно в пору формирования элитарных структур и, соответственно, элитарной субкультуры с присущим ей модным набором стандартов и эталонов. Ярким примером этого является эпоха викингов и фактор конвергенции в элитарных структурах Балтийского региона и прилегающих областей Восточной Европы. В процессе созидательного культурогенеза конвергенция является прогрессивным явлением, способствует творческому взаимодействию культур и цивилизаций, вливается в поток факторов, ведущих к культурной интеграции.

3. Дивергенция особенно ярко прослеживается на археологическом материале, детальный типологический анализ которого, как правило, фиксирует мозаичность древних культур и локальных вариантов. Зачастую дивергенция проявляется как антитеза конвергенции, сменяя последнюю во временном отношении после

освоения новых пространств, в особенности, при слабости центростремительных структур в древних социальных и политических организациях. Конвергенция и дивергенция – два диалектически взаимосвязанных вектора культурного развития.

4. Для раннеземледельческой эпохи в древней истории Европы фактор конвергенции отчетливо выступает в процессе формирования всей свиты раннеземледельческих культурных общностей. Многообразие раннеземледельческих культур собственно Балкан так или иначе может быть сопоставлено с расселением племенных групп из Малой Азии и Эгеиды. Наоборот, собственно европейская общность культуры линейно-ленточной керамики является ярким примером значения фактора дивергенции в условиях формирования нового образа жизни, связанного с новыми экономическими системами. Раннеземледельческие общества, будучи рыхлыми в социально-политическом отношении, в равной мере представляют обратный процесс – культурной дивергенции, ведущий к формированию культурной мозаики, локальных культур и локальных вариантов.

5. Сходные явления можно наблюдать в эпоху палеометалла в степной зоне Евразии. Формирование нового, степного образа жизни здесь началось еще в доямную эпоху и ярко проявилось в погребальном обряде. В ямное время формируется такая устойчивая традиция степного ритуала как курганный обряд, помещение в могилу повозки и установление каменных, а, скорее всего, также и деревянных стел. Именно новый образ жизни стимулировал конвергентные явления в обществах, не связанных единством происхождения, хотя механизм расселения и культурной и этнической ассимиляции носителями ямной культуры как эталона эпохи играл здесь определенную роль. В условиях степной зоны со слабыми в ту эпоху коммуникативными связями и при рыхлости политической системы, которая едва ли перешагнула рубеж слабо централизованного союза или даже союзов племен, явления дивергенции, локальной вариабельности шли рука об руку с конвергентными процессами.

6. В пору наивысшего развития великих степных обществ, в середине II тыс. до н. э. в процессах конвергенции стал заметную роль играть социальный фактор, связанный с формированием военной элиты, воинов-колесничих, составлявших основу общества, имевшего, скорее всего, олигархический характер. Куль-

турные стандарты, присущие гробницам знати, представлены в разных культурных комплексах и едва ли могут быть связаны с культуртрегерской функцией некоей верхушки завоевателей, распространяющей свое господство от Алтая до Подоалья. Это была социальная стратегия самих степных обществ, а не материальная корреляция. Коллапс военной элиты как доминирующей формы социальной организации стимулировал дезинтеграционные процессы. В степной зоне затем без новых конвергентных импульсов последовала стагнация и дезинтеграция.

Н. М. Малов
(Саратов)

**ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ НЕУРБАНИСТИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ СКОТОВОДЧЕСКОЙ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПРОВИНЦИИ — ЗВЕНО МОЗАИЧНОЙ
МИРОЦЕЛОСТНОСТИ**

В степной Евразии многие исследователи ищут область сложения индоевропейских (индоиранских) языков, распространившихся затем отсюда по всей Европе, Средней Азии, Южной Сибири, Ирану и северному Индостану. Предки иранцев Средней Азии и Ирана и ариев Индии до первых веков II тыс. до н. э. совместно обитали вне ареала ранних оседлоземледельческих цивилизаций — в северной степной зоне (Бонгард-Левин, Грантовский 1983). Именно с их создателями связывают начало последующего длительного цикла господства индоевропейских скотоводов, продолжавшегося в степях Евразии с IV—III тыс. до н. э. до III—IV вв. н. э., которых затем сменили тюрко-монголыязычные кочевники (Тоунбеев 1934).

Степная Евразия была заселена представителями европеондных популяций, как минимум, с эпохи верхнего палеолита (В. Алексеев 1985). Не исключено, что широкая зона южной Евразии, включающая также степи, где распространены группы близких по облику археологических культур с микролитами кавказского происхождения, уже в мезолите была связана с формированием индоевропейцев (Формозов 1953, 1973, 1978). На самых ранних этапах своей истории индоевропейцы прежде всего были скотоводами, ставшими затем кочевыми пастухами, пройдя в ме-

золите – энеолите длительный путь формирования на степном пограничье Европы и Азии (Даниленко 1962, 1974). В степной Евразии существовала неолитическая историко-культурная область, приведшая впоследствии к возникновению в данном регионе индоиранцев (Крайнов 1986).

Скотоводы черноморо-каспийских степей в эпоху неолита – ранней бронзы играли значительную роль в осуществлении “интеграции и контактной непрерывности” Циркумпонтийской провинции, входившей в ареал формирования индоевропейцев и индоиранцев (Мерперт 1988; Черных 1988; Гиндин 1993). Однако, в восточной степной периферии этой провинции (Съезжее, Тумек-Кичиджик, Хвалынск, Хлопков бугор и др.) проникновение и развитие производящей экономики связано с выработкой специфических подвижных форм скотоводства, обусловивших распространение на больших пространствах мариупольской и хвалынско-среднестоговской историко-культурных общностей (Мерперт 1982, 1988). Первоначальная гипотетическая “протохарская” прародина рядом исследователей локализуется в восточно-европейских степях V–IV тыс. до н. э.; отсюда протохары продвигаются вплоть до Минусинско-Алтайских и восточно-туркестанских степей. В результате миграций индоевропейцев энеолита и ямной культуры здесь образуется европеоидная афанасьевская культура (Вл. Семенов 1993). Комплексный анализ письменных источников, материальной культуры, лингвистических, антропологических и этнографических данных, позволяет считать также ираноязычными андроновско-срубно-газабагъябские историко-культурные образования степной Евразии (Е. Кузьмина 1994).

На обширных степных пространствах достаточно быстро распространяются технологические, культурные и идеологические инновации, складывается исторический эпохальный тип культур ранних комплексных обществ неурбанистического пути развития, отличающийся повышенной степенью общности ритуального единства, материальной культуры и хозяйства (Мерперт 1978, 1988; Массон 1989, 1991).

Многоукладные археологические образования эпохи палеометаллов степной Евразии, с преобладанием такой формы производящего хозяйства, как скотоводство (коневодство, разведение крупного и мелкого рогатого скота), представляют собой яркое явление и важное звено мозаичного исторического типа миро-

целостности. Эта часть света с древнейших времен является местом развития устойчивых комплексных историко-этнографических, историко-культурных и этнокультурных общностей и областей европеоидов, индоевропейцев и индоиранцев неурбанистической ориентации. Здесь на протяжении тысячелетий сохранялся однофакторный, конвергентный, системообразующий хозяйственно-культурный скотоводческий ареал, позволяющий выделить особую Евразийскую скотоводческую историко-культурную провинцию (ЕАСП) индоевропейцев, начало формирования которой восходит к мезо-неолитическим археологическим культурам.

В истории развития ЕАСП эпохи энеолита – бронзы отмечаются периоды превалирующего влияния определенных очагов культурогенеза и лидерства историко-культурных областей или общностей, представлявших собой крупные племенные объединения скотоводов, или мощные мобильные союзы восточной ветви родственных индоевропейских (индоиранских) племен с взаимными связями широтного направления. В определенных пространственно-временных границах здесь наблюдаются культурная дезинтеграция, стагнация и деструктивные периоды. Тем не менее преобладают “контактная непрерывность”, аккультурация, конвергентное развитие и достаточно развитые каналы связи. Существенные коммуникативные барьеры отсутствовали.

Более значимую роль для взаимодействия и передачи синхронной и диахронной (этнокультурной) информации играли общий хозяйственно-культурный тип и социум, а также этноинтегрирующие свойства культуры (этническая консолидация), особая и близкая знаковая система (устная речь-язык, религия, особенности быта, обряды, обычаи и др.), обеспечивавшие пространственно-временную преемственность и стабильность. Эти образования были комплексными не только по типу хозяйства, но также на основании общих черт в социуме, вероятно в языке, религии и некоторых других сферах повседневной культуры.

В комплексных скотоводческо-земледельческих обществах достаточно рано появляется дивергенция в социуме (вожди, воины, служители культа, мастера и т. д.), усложняется социальная и имущественная дифференциация, складывается элитная субкультура. Скорее всего это было обусловлено и связано с процессом сложения частной собственности на основное средство производства – скот. Возможно, что в поволжских и соседних регионах

частная собственность на скот появилась в последних столетиях III тыс. до н. э. (Шилов 1975). Большое значение стали играть грабительские войны, вносившие существенные изменения в ход исторического развития густонаселенных земледельческих территорий (Мерперт 1978).

С военными вождями и знатью связываются специфические элитарные регалии власти (скипетры, булавы и жезлы) и оружие (луки, топоры, дротики, копья, ножи-кинжалы), колесный транспорт и средства управления конем (псални, колесницы, повозки), сопутствующие погребения "рабов", "шкур" скота и др. Однако, в инвентаре элитных погребений энеолита – ранней бронзы чаще сочетаются регалии воинской и сакральной власти, атрибуты престижной хозяйственной деятельности. Процент погребений военных вождей и воинской знати у скотоводов Восточной Европы увеличивается от средней к поздней бронзе, что указывает на военный путь политогенеза их общества и невозможность равенства в вооружении его представителей (Цимиданов 1990).

Скотоводческие историко-культурные общности индоевропейских популяций эпохи энеолита – бронзы являлись важной средой, передающей инновации материальной культуры, воспринятые от оседлого населения первичных очагов производящего хозяйства, к финно-угорским, тюркским и другим племенам степилесостепи-леса Евразии. Они не только выполняли посредническую и интегрирующую функции, но и очень рано начали осваивать глубинные степные евразийские пространства (В. П. Шилов), что способствовало возникновению кочевничества и коневодства. Известно, что ни один хозяйственно-культурный тип не существовал в чистом виде. Не являются исключением и индоевропейские скотоводы степной Евразии эпохи палеометаллов. Они занимались земледелием, охотой, рыболовством и ремеслами, игравшими в те или иные периоды их истории различную роль: хозяйство было комплексным, с доминантой скотоводства, дававшего основные средства существования (определяющего тип хозяйства). В различные пространственно-временные параметры у индоевропейцев ЕАСП складываются собственные очаги культурогенеза (В. С. Бочкарев), металлургии и металлообработки (Е. Н. Черных) с элитарными комплексными обществами.

Нельзя исключать, что важную роль в жизни индоевропейцев ЕАСП занимали такие специфические виды деятельности (моно-

политизированные элитой) как обмен и торговля, контроль за источниками сырья и системой континентальных путей общения, сопровождение караванов, взимание дани, грабежи и т. п. Вероятно, именно благодаря этому, к финалу эпохи бронзы конвергентно возобладали номадизм и военный путь политогенеза, и это — несмотря на мозаику археологических культур, обусловленную определенной дивергенцией и комплексностью хозяйства историко-культурных образований (мотыжное земледелие, поселения, мастерские металлургов, протогородские центры и т. п.)

Таким образом, в эпоху палеометалла Евразийские степи были основной территорией обитания комплексной метаэтнической (метаэтнокультурной), скотоводческой (метаэтнохозяйственной), индоевропейской (метаэтнолингвистической) общности, с которой связано происхождение древних индоиранских и индоарийских племен. Образуется особая социально-культурная система, длительное время генерализующая свои принципы и включающаяся в глобальные конфигурации — древнейшая индоевропейская (индоиранская) неурбанистическая цивилизация Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции. Индоевропейские неурбанистические комплексные общества — "вождества" энеолита — бронзы представляли собой реальную интегральную единицу традиционной полисистемной оппозиции Запад-Восток, Юг-Север, которая обеспечивала континентальную связь и дифференциацию отдельных гигантских областей Евразии.

Е. Е. Кузьмина
(Москва)

ПРОЦЕССЫ КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИ В ИСТОРИИ НАРОДОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭНЕОЛИТЕ И БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

В теоретическом плане проблемы конвергенции и дивергенции в истории развития культур древнего человечества рассмотрены недостаточно. Конвергентное развитие обуславливают:

1. Глобальные изменения длительного времени. (по Ф. Броделю), обусловленные существенными изменениями природной среды, заставляющими носителей различных культур искать вы-

ход из наступившего кризиса или системного комплекса в одном направлении (по К. Ренфрю).

2. Периодические климатические колебания в зоне распространения единого хозяйственно-культурного типа, вызывающие одинаковую или сходную реакцию носителей культур в пределах этой зоны.

3. Достижение представителями культур, относящихся к различным хозяйственно-культурным типам, сходного уровня развития, обуславливающего одинаковые потребности в сфере производства, напр., освоения металлургии или колесного транспорта. Сами культурные инновации могут распространяться путем диффузии из единого очага (при моноцентрическом изобретении) или нескольких очагов (при полицентричном изобретении), что не отвергает дивергентного, т. е. однонаправленного развития культур. Возможна и диффузия из вторичного очага (напр., появление колесного транспорта в Европе не прямо из Передней Азии, а через зоны Подунавья, Кавказа и далее — из южнорусских степей на север и запад — возможно, вплоть до Дании).

4. Особый случай конвергенции — развитие в едином направлении носителей культур (вне зависимости от культурно-хозяйственных типов), имеющих общее генетическое происхождение. Пример — культуры народов индоевропейской языковой семьи, в мифологии, обрядах, фольклоре которых сохраняются общие индоевропейские черты, что было показано Ж. Дюмезилем и остается неопровержимым, невзирая на последующую критику.

В мифологии и в воплощающем ее изобразительном искусстве древних народов Центральной и Восточной Европы возможно выделение нескольких последовательных уровней: I) общечеловеческого (по К. Леви Строссу, М. Харрису и др., обусловленному единством строения мозга и процессов познания у *homo sapiens*) — напр., представления о мировом дереве, дуальных оппозициях; II) индоевропейского (мировое дерево и богиня-мать с двумя конями, солярный бог на колеснице); III) индо-иранского, германо-балто-славянского и т. д. уровней, характеризующихся глубоким внутренним сходством, генетически заложенным в языке, менталитете, аксиологических установках традиционных культур этих родственных этносов.

Дивергенция в культуре — расхождение культурных признаков у первоначально родственных коллективов (как и диверген-

ция в природе, выявленная Ч. Дарвином, введенным в науку сам термин), является следствием прежде всего изменения экологической ниши, приспособления к новому хозяйственно-культурному типу (ХКТ). Чаще всего дивергенция – результат миграций.

Однако, в отличие от биологической эволюции, дивергенция в развитии культуры, во-первых, обусловлена не только изменением природной среды и ХКТ, но и взаимодействием с другими этносами, что приводит к разнообразным заимствованиям, а иногда и к интеграции с носителями других культур. Во-вторых, в традиционной культуре, даже в условиях миграций, смены ХКТ и культурных контактов с иноэтничными группами, сохраняются существенные признаки культуры-предка, мифологизированные и выступающие в роли этнических индикаторов. Именно эта особенность традиционной культуры даст возможность исследовать этническую историю Центральной и Восточной Европы.

Рассмотренные процессы отчетливо проявляются в истории народов Нило-Каспийских степей эпохи бронзы, позволяя выявить ряд существенных этнических индикаторов, и поддержать гипотезу их индоиранской принадлежности.

Реконструируются также специфические индо-иранско-греческие связи (распространение в Элладе коневодства, культ коня и колесницы, миф об Аполлоне на Рифейских горах), материализованные в сходных типах псалмов и обрядах жертвоприношений коня. Это не только результат культурного взаимодействия в XVII–XVI в. до н. э., но и проявление конвергенции, когда общее культурное наследие сохранялось у разошедшихся этносов на протяжении многих веков.

Г. Ф. Коробкова
(Санкт-Петербург)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СТИМУЛЫ КОНВЕРГЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ

(общее и особенное в металлургическом комплексе и металлообрабатывающем инструментариум бронзового века)

1. Эпоха бронзы выдвинула новый функциональный набор орудий, появившийся конвергентно на огромных пространствах Европы и Азии. С одной стороны, он как бы повторял техниче-

кие традиции предшествующего исторического периода, но уже на новом технологическом уровне. С другой, были созданы новые функциональные модели орудий, обусловленные возникновением новых производств — металлургии и металлообработки, сменой форм хозяйственной деятельности, внедрением новых сложных технологий. Примером могут служить материалы ямной, катакомбной, срубной, сабатиновской культур, явившихся законодателями степного образа жизни. Индустрия их характеризуется разнообразием каменных, костяных, керамических и других инструментов, дополненных небольшими сериями собственно металлических орудий. Как свидетельствуют раскопки поселений Михайловка, Усово озеро, Степовое, Виноградный сад, Новорузанская, Чиколовка, катакомбного погребения Филатовка и других памятников эпохи бронзы, значительную массу артефактов составляли каменные и костяные изделия, заметно превосходящие в количественном отношении предметы из металла и другого сырья. На этом фоне изделия из металла выглядят довольно скромной выборкой. Камень же использовали повсеместно и дифференцировано. Многие функциональные типы орудий из рассматриваемых памятников сходны. Это объясняется тем, что набор орудий бронзового века формировался как под воздействием более ранних традиций, так и в результате технического новаторства, стимулированного потребностями новых производств. Такая функционально-технологическая константа предопределила ряд явлений конвергентного характера. Вместе с тем, по своим типологическим характеристикам они различаются. Одни и те же функциональные типы имеют разные морфологические формы, сырье, технико-технологические показатели, приемы и способы использования, дифференцированные технологии. Это свидетельствует о дивергентном характере появления данного инструментария, обусловленном культурно-традиционными факторами. Обе стороны происходивших изменений можно наблюдать на примере культур степной бронзы Старого Света.

2. Изучение наборов каменных орудий, предназначенных для деятельности в сфере металлургии и металлообработки в эпоху бронзы юга Средней Азии достаточно ярко определяет их производственно-функциональный ансамбль. Таковы подставки-наковаленки для изготовления ювелирных металлических изделий, гладилки-выпрямители для раскатки листового металла, ра-

зного рода оселки и абразивы, молотки и молоточки для разгонки иковки металла, матрицы, песты и рудотерки для дробления и растирания руды и многие другие орудия. Такой инструментарий в своем функциональном аспекте практически идентичен материалам культур степной бронзы Восточной Европы. Однако, по технико-морфологическим и технологическим характеристикам он отличается от европейского. Различия прослеживаются и в соотношении ряда орудий, и в составе набора орудий. Все эти расхождения локального культурно-генетического характера относятся к явлениям дивергенции.

3. Коллекция поселения ямной культуры Михайловка поражает изобилием орудий. Преобладают кремневые, каменные, реже костяные и керамические изделия. Первая группа включает массу нуклеусов, отходов техники расщепления и производства орудий. Среди орудий представлены скребки, скребла, вкладыши двуручных стругов, стамески, скобели, сверла (в том числе и станковые), строгальные ножи, пилки, долота, проколки, вкладыши мясных и кожевенных ножей, наконечники стрел и дротиков. По технике изготовления, ассортименту и функциям набор кремневых орудий повторяет традиции неолитической эпохи, а по ряду показателей сходен с индустрией трипольской культуры. Это – одна из особенностей индустрии ямной культуры.

Столь же представительен набор каменных орудий, связанный, в основном, с металлургическим и металлообрабатывающим производствами. Это разнообразные подставки-наковаленки, гладилки-выпрямители, наковальни дляковки, пассивные и активные абразивы для направления лезвий и снятия шероховатостей на заготовках, молоточки легкого и молоточки среднего действия для проковки и разгонки металла и др. Кроме них встречается и традиционный набор каменных инструментов: шлифованные топоры, в том числе – проушные, тесла, долота, наковальни и абразивы для камня, кости, абразивные пилки, выпрямители для древков стрел, грузила для сетей, зернотерки, песты для зерна, краскотерки и пестики для краски, булавы, мотыга, скребло. Костяной инвентарь включает гарпуны, рыбные ножи, кочедыки для плетения щитов, шпатели и орнаменты для керамики, боевые топоры, струги (тупики) для волососгонки, лощила для кожи, струги, землекопалки, шпилья, кольца, подвески и др. Сре-

ди керамических изделий выделяются скребки для шкур, пряжала для веретена и пряслица для ткацкого станка.

Сравнительный анализ наборов орудий из камня, кости и керамики демонстрирует сходство по функциональным признакам с более поздними индустриями катакомбной, срубной и сабатиновской культур. Отличия заключаются в доминанте кремня, соотношении типов и типологической характеристике.

4. Материалы катакомбной культуры, представленные небольшой коллекцией из Филатовки (курган 12, погребение 2), содержат близкий инструментарий, принадлежавший ремесленнику. Это разного рода металлообрабатывающие орудия: абразивы для направки лезвий металлических изделий и заострения шильев, гладилка-выпрямитель для листового металла, молоточек легкого действия для изготовления путем холоднойковки мелких (ювелирного типа) изделий; камнеобрабатывающие инструменты (абразивная пила, фигурный активный абразив). Среди прочих изделий обнаружен пест для краски, лощило для кожи, булава, заточенные на абразиве костяные палочки, 10 кремневых галек без обработки и следов использования. Очевидно, что функциональный набор металлообрабатывающих инструментов обнаруживает сходство с таковым из Михайловки.

5. Значительным разнообразием и масштабностью каменных и костяных артефактов выделяется поселение срубной культуры Усово озеро, исследованное С. С. Березанской. Наряду с огромной коллекцией орудий из камня, в работе широко использовали изделия из кости, керамики и металла. Наибольшей популярностью пользовались каменные инструменты, полностью обслуживавшие металлургическое и металлообрабатывающее производство. Им бы насыщен каждый дом, но особая концентрация наблюдалась в постройках №№ 1, 2 и жилищах №№ 3, 4, 7 (26, 28 и 32 экз. соответственно). По трасологическим данным выделяются горнодобывающие и рудодробильные инструменты, орудия кузнечного и ювелирного дела: рудотерки, песты, молоты тяжелого действия для дробления руды в целях обогащения; молотки среднего и молоточки легкого действия для проковки отлитых бронзовых изделий; пассивные и активные абразивы для дифференцированной обработки металлических орудий; различные подставки-наковаленки и литейные формы. Разнообразие находок и масштабность выборки указывают на значимость и на-

направленность этого памятника, а их наборы — на сложность технологических процессов, использовавшихся в металлургическом и металлообрабатывающем производствах. В целом, Усово озеро предстает как своеобразный поселок металлургов, ориентированный на изготовление дифференцированных металлических орудий и их продажу. По мнению С. С. Березанской, такая функциональная направленность жизнедеятельности обитателей поселения подтверждается как самими орудиями, находками других атрибутов металлургического производства, так и их локализацией в пределах памятника. Вместе с тем, здесь же обнаружены и орудия, обеспечивающие жизненно необходимые условия для существования. Это серпы, зернообрабатывающие инструменты, вкладыши пожей и сами пожи, орудия для камнеобработки и кожевенного дела. Как правило, в последнем были заняты обычные традиционные скребки из отщепов, костяные струги, тупики, лопатки, изделия для вытягивания и разминания ремней, — словом, полный набор разнообразных костяных изделий, широко распространенных в эпоху бронзы. Есть скобели для кости, рога, пилка, шпатель для керамики, гарпун, псалии, муфты, рукоятки. По функциональным и типологическим показателям такой же металлургический центр вычленяется на Мосоловском поселении, исследованном А. Д. Пряжиным и В. В. Килейниковым.

6. Близкий материал демонстрируют поселения сабатиновской культуры — Степовое, Виноградный сад, Чколовка, насыщенные орудиями металлургического и металлообрабатывающего производств. Особняком стоит Ташлык I, выделяющийся концентрацией многочисленных костяных изделий, связанных с кожевенным делом. Это специализированный поселок профессионалов-ремесленников, ориентированный на обработку шкур и выделку кож, изготовление ремней и других кожаных изделий, которые шли в обмен или на продажу.

В Степовом представлен набор горнорудных, металлургических и металлообрабатывающих инструментов. Особая концентрация замечена в пом. №№ 1 и 2. По массовости и разнообразию орудий видна функциональная направленность памятника как одного из центров металлургического и металлообрабатывающего производств сабатиновской культуры.

На поселении Виноградный сад находки орудий металлообработки равномерно распределены в пределах жилищ. Так, в

жилище № 10 из 43 исследованных предметов, 14 приходится на производство, в жилище № 11 из 75 изделий – 31 было занято в металлообработке. По функциональным данным это обычный набор инструментов, встречающийся в индустрии ямной, катакомбной и срубной культур и являющийся принадлежностью профессионалов-кузнецов и ювелиров.

7. Таким образом, трасологический анализ орудий труда, связанных с добычей, обработкой, плавкой руды, изготовлением изделий демонстрирует устойчивую функциональную повторяемость на памятниках разных культур, что ярко видно, в частности, по ювелирному и кузнечному производству. Вместе с тем, на разнокультурных поселениях этот набор несколько различается по составу и соотношению типов орудий, морфолого-типологическим особенностям, связанным и с техникой оформления. Наряду с технологическими традициями, здесь сыграло роль и использование различных видов сырья для изготовления орудий.

В. С. Бочкарев
(Санкт-Петербург)

**КАРПАТО-ДУНАЙСКИЙ И ВОЛГО-УРАЛЬСКИЙ
ОЧАГИ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА ЭПОХИ БРОНЗЫ
(опыт сравнительной характеристики)**

1. Практически одновременно (в пределах первой трети II тыс. до н. э.) и независимо друг от друга в умеренном поясе Европы возникли два крупных очага культурогенеза: карпато-дунайский и волго-уральский. По уровню развития они заметно опередили многих из своих соседей и стали для них источником целой серии инноваций в технологической, военной, экономической и социальной сферах. По этой причине их влияние было сильным, а его последствия – долговременными: именно, с волго-уральским очагом следует связывать, например, формирование характерных черт эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы и Казахстана (Бочкарев 1991).

Сравнительный анализ этих очагов выявляет не только вполне естественные различия между очагами культурогенеза, но также и черты сходства. Последние особенно интересны, так как

позволяют наметить общие тенденции в культурно-историческом развитии во II тыс. до н. э. на значительной части Европы.

2. Формирование обоих очагов во многом определялось тем экономическим подъемом, который в начале II тыс. до н. э. охватил карпато-дунайский и волго-уральский регионы. Особенно заметен рост металлопроизводства, хорошо обеспеченного местным сырьем (медью, золотом, серебром и т. д.). Вероятно, уральский и карпатский горно-металлургические центры становятся одними из крупнейших в Европе производителей меди, оттеснив на вторые роли балканскую и северокавказскую металлургию. Как показывают типологические данные, карпатские изделия широко распространяются по Юго-Восточной и Средней Европе, достигая на севере Скандинавии (Kristiansen 1987; Vandkilde 1989). Столь же обширной была зона распространения уральского металла в Восточной Европе (Е. Черных 1970, 1976).

Большая, чем прежде, доступность меди и ее сплавов способствовала расширению ассортимента металлических изделий. Появились новые категории оружия, украшений, деревообрабатывающих инструментов и т. д. Тогда же начался процесс внедрения металлических орудий (серпов, мотыг) в сельское хозяйство.

Кроме меди и бронзы, сравнительно широко стали использоваться другие металлы. Особенно большого, можно сказать — беспрецедентного масштаба, по сравнению с предыдущими и последующими этапами эпохи бронзы, достигла обработка золота (в Карпатах) и серебра (на Урале). Из этих металлов изготавливали не только украшения, но также посуду (чаши, кубки) и даже оружие (накопечники копий, мечи, кнжжалы, топоры). Кроме того, золото в значительных количествах, видимо, шло на экспорт, в том числе и в Микенскую Грецию (Bouzek 1966, 1985; Hartman 1976).

Количественный рост объема металлопроизводства сопровождался качественными изменениями. Как на Урале, так и в Карпатах входят в употребление оловянистые бронзы, каменные литейные формы, осваивается литье изделий с “глухой” втулкой. Отсюда эта передовая для своего времени технология постепенно распространилась на другие территории Европы и Казахстана.

3. После большой серии специальных работ, опубликованных в отечественной и зарубежной литературе (см. обзор: Шнирельман 1988) вряд ли можно сомневаться в специализирован-

ном, ремесленном характере волго-уральского и карпато-дунайского металлообрабатывающих производств. Имеются веские основания утверждать, что это ремесло уже было достаточно дифференцировано, а мастера имели особый социальный и общественный статус и были связаны с правящей элитой (погребения кузнецов-литейщиков в Нижней Мысле, Утевке-VI, Потановке и т. д.). Надо полагать, что специализация также затронула другие производства, и особенно те из них, которые обслуживали знать. Об этом можно судить по превосходному (профессиональному) качеству соответствующих изделий и, в ряде случаев, по самому их назначению (босвые колесницы, регалии и т. д.).

4. Сравнительно высокий уровень металлургии и ремесел способствовал превращению этих очагов в крупные центры обмена и торговли. Об этом лучше всего свидетельствуют карты распространения металлических изделий карпато-дунайского и волго-уральского типов (Mozsolics 1967; Hänsel 1968; Kristiansen 1987; Е. Черных 1970). Они указывают на весьма интенсивные и широкие контакты. О дальних и сверхдальних связях можно судить по находкам изделий из редких материалов (ценных пород камня, янтаря, железа, фаянса, морских раковин). Согласно этим данным, волго-уральский очаг поддерживал торгово-обменные отношения со Средней Азией и Сибирью, Северным Причерноморьем и Нижним Подунавьем (Е. Черных, Кузьминых 1989; Аванесова 1991; Н. Виноградов 1995). Некоторые авторы в этот список включают и Микенскую Грецию (Е. Кузьмина 1978).

В силу выгодного географического положения и по ряду иных причин, карпато-дунайский очаг оказался одним из важных центров европейской торговли янтарем, фаянсом, золотом и другими престижными и дорогими товарами. По некоторым оценкам (возможно завышенным) его внешние связи простирались от Ютландии до Пеллопонеса и от Верхней Италии до Поволжья (Hüttel 1978). Особый интерес у исследователей вызывают его возможные контакты с Микенской Грецией (Hachmann 1957; Bouzek 1960, 1985; Müller-Karpe 1978; Hänsel 1982; Bader 1992). Правда, прямых данных об этом нет, но имеются довольно многочисленные косвенные свидетельства, интерпретации которых посвящена обширная литература. Вопрос остается открытым. Тем не менее, большинство специалистов признают реальность

этих контактов и отводят им огромную роль в развитии культур Юго-Восточной и Центральной Европы.

Наконец, следует отметить, что какого-то рода отношения были установлены между самими этими очагами. На этот счет уже собрано достаточное количество материалов. Среди них самым ярким памятником по-прежнему является Бородницкий клад. В его металлических изделиях на редкость гармонично слились карнато-дунайские и волго-уральские элементы.

5. При всей значимости металлургии, ремесел и торговли, основой экономики в том и другом очаге оставалось сельское хозяйство. В целом оно имело комплексный или, говоря иначе, смешанный характер, но соотношение в нем земледелия и скотоводства сильно варьировало в зависимости от экологических условий и традиций. Так, в дунайском бассейне явно преобладал земледельческий уклад: практиковалась прочная оседлость (тепли на Венгерской равнине), применяли севообороты (Kovács 1978) и, возможно, искусственное орошение. Согласно палеоботаническим данным, полученным в Южной Словакии, население отоманской и мадьяровской культур выращивало не менее 10 видов зернобобовых культур (Furmánek, Vlačík, Vladar 1991). Предпочтение отдавали эммеру и спельте, а на части территории Румынии, занятой отоманской культурой – мягким сортам пшеницы (Cărciușanu 1983). Возможно, что тогда же начали культивировать рожь (Hajnalova 1975). В стаде превалировал крупный рогатый скот, вслед за которым по численности шли свинья, коза, овца и лошадь (Furmánek, Vlačík, Vladar 1991).

Хуже известно сельскохозяйственное производство в волго-уральском регионе. Все же некоторые его особенности выявляются вполне отчетливо. Судя по всему, оно имело ярко выраженную скотоводческую направленность: в составе стада доминирующее положение занимал мелкий и крупный рогатый скот, почти отсутствовала свинья и сравнительно небольшим процентом представлена лошадь (Н. Смирнов 1975; Косинцев 1983).

Очевидно, эта форма пастушеского(?) хозяйства оказалась очень хорошо приспособленной к условиям североевразийской степи. Благодаря ей, волго-уральскому населению удалось освоить огромные пространства открытой (маловодной) степи и заселить их так плотно, как никогда ранее. В конечном итоге, колонизация новых земель явилась одним из самых важных собы-

тий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Казахстана. Без нее последующий переход местного населения к кочевому скотоводству вряд ли был бы возможен.

В сельскохозяйственном производстве обоих очагов особое значение приобретает такая отрасль как коневодство. Ее развитие было вызвано тем, что началось интенсивное использование упряжной лошади в хозяйственных и, главное, – военных целях. Конная тяга превратила одноосную повозку в самое мощное оружие II тыс. до н. э. – колесницу. Применение легких боевых колесниц на колесах со спицами в первой трети II тыс. до н. э. достоверно установлено только в двух местах – на территории Древнего Востока (вместе с Эгеидой) и в Восточной Европе (с прилегающими районами Казахстана). Для карпато-дунайского очага прямые доказательства такого рода пока отсутствуют. Зато здесь имеется множество находок принадлежностей конской упряжи, которые также свидетельствуют в пользу широкого применения упряжной лошади в начале II тыс. до н. э.

6. В нашем распоряжении имеются археологические материалы, которые позволяют составить общее представление о социальной организации населения волго-уральского и карпато-дунайского очагов. Как это обычно происходит в археологии, материалы не поддаются однозначной социологической трактовке. Но для этих очагов они столь ярки и многочисленны, что конечный вывод кажется определенным. В данном случае мы имеем дело с вождествами – обществами, достигшими предгосударственного уровня (Бочкарев 1991; Г. Зданович 1995; Массон 1995).

Все основные признаки этой социальной организации (ремесленная специализация, социальное ранжирование, укрепленные центры, культовые места, монументальные сооружения, концентрация власти в руках военной элиты), как они были сформулированы К. Ренфрю (Renfrew, Behn 1991), так или иначе прослеживаются в карпато-дунайских и волго-уральских материалах.

В мадьярской культуре (Юго-Западная Словакия) хорошо зафиксирована двухуровневая иерархия поселений (Тоčík 1964; Shennan 1986). Верхний уровень составляют городища (Нитрянский градок, Веселе и др.), а нижний – более многочисленные селения. По утверждению Г. Б. Здановича (1995), подобная картина также характерна для синташтинской культуры Южного Зауралья. С точки зрения процессуальной археологии, такого рода

поселенческая структура указывает на централизацию политической и экономической власти (Shennan 1986). Этот ответственный вывод в какой-то степени подтверждает анализ укрепленных поселений, которые нередко именуют протогородами или урбанистическими центрами. Многие из них (Арканм, Синташта, Сакрым-Сакла, Барца, Спишский Швртк, и т. д.) демонстрируют удивительно сложную и, вместе с тем, регулярную планировку, которая характерна как для фортификационных сооружений, так и для рядовых жилищ. Очевидно, что стихийно она складываться не могла: для ее реализации требовались четкая организация и единое руководство.

Согласно обоснованному мнению ряда исследователей, карпато-дунайские укрепленные поселения типа Спишского Швртка являлись резиденциями правящей элиты, центрами накопления богатства и его редистрибуции. Г. Хюттель даже назвал их дунайскими аналогами дворцов-цистателей Эгеи и Передней Азии (Hüttel 1982). Конечно, эти определения нельзя автоматически распространять на городища синташтинской культуры, характер которых остается не ясным. С другой стороны, в погребальном обряде именно этой культуры отчетливо проявляется социальная стратификация общества.

Принимая во внимание значение колесницы, как универсального символа высокого социального ранга, к элитной страте синташтинского общества следует относить так называемую колесничью аристократию. Могилы ее уже сейчас открыты во многих некрополях, которые обычно состоят из нескольких (до двух десятков) одиночных и коллективных подкурганых погребений, расположенных по кругу. В центре кургана-некрополя помещены одна или две большие могильные ямы (Епимахов 1995). Могилы "колесничих" органично вписаны в структуру некрополя и никакими особыми или дополнительными признаками не выделяются. Опираясь на эти наблюдения, можно предположить, что высоким социальным рангом обладали не только отдельные лица, но и целые группы людей, связанных родственными узами (большая семья, клан, линидж?). Вероятно, такие группы занимали господствующее положение в синташтинском обществе.

Внешне иную картину дают материалы карпато-дунайского региона. На этой территории отсутствуют ярко выраженные погребения знати, но зато здесь, как нигде в Европе, хорошо пред-

ставлены клады-сокровища (Периниари, Ана, Хайду-Шамшон, Острову-Маре и т. д.). Обычно в состав клада входят золотые утварь, оружие, украшения, а также бронзовые топоры и мечи, украшенные изысканным орнаментом в карпато-микенском стиле (Mozsolics 1967). Самы по себе эти клады говорят о концентрации в руках отдельных лиц или группы людей огромных для того времени богатств. Примечателен также состав кладов: в сущности, они состоят из предметов, которые не имеют утилитарного назначения. Это высоко престижные вещи – культовые предметы и регалии власти. Последнее предположение особенно очевидно в отношении золотого оружия.

Соккрытие этих кладов могло быть вызвано различными причинами. В частности, не исключено, что в землю они попали в качестве эквивалентов инвентаря элитных погребений. К такому выводу подталкивают недавние изыскания немецких и скандинавских археологов (Kristiansen 1990; Hansen 1991): установлена обратная корреляция между кладами металла и богатыми погребениями – появление одного из этих источников влечет за собой исчезновение другого. На мой взгляд, эти наблюдения позволяют удовлетворительно объяснить отсутствие богатых погребений в Карпатах и кладов-сокровищ на Урале. В целом, приведенные материалы, кажется не оставляют сомнений в том, что в обоих регионах мы имеем дело с вполне оформившимся слоем элиты.

В заключение этого раздела укажу еще на два важных признака вожества, которые прослеживаются в волго-уральских и карпато-дунайских материалах: монументальные сооружения и культовые места. К числу первых следует отнести поселения-крепости типа Аркаима и Спишского Швертка. Поражает грандиозный масштаб их фортификации – глубокие рвы (до 4 и более метров глубины), мощные валы и высокие стены (4–6 м высотой, иногда в два обвода), башни и т. д. При строительстве использовали дерево, глину, землелитные блоки, камень и т. д.

Хуже известны культовые места. Они встречаются гораздо реже и с трудом опознаются. Все же три объекта, которые кажутся вполне достоверными, назвать можно: термальный источник (колодец) в Ганновцах (Словакия), “храм” из Салациа (Румыния) и “храм-святилище” в Синташте (Vladar 1978; Bader 1990; В. Ф. Генинг, Г. Зданович, В. В. Генинг 1992). Напомню,

что сакральное значение приписывается так же самим городищам синташтинской культуры (Г. Зданович, В. Зданович 1995).

7. Процессы формирования, развития и распада карпато-дунайского и волго-уральского очагов во многих отношениях остаются еще неясными. Но их общий ход восстановить удастся.

В первый из названных очагов входила довольно большая группа культур: фюзешабонь, витенберг, отомань, ватья, мадьяровская, теї и монтеору. Эти культуры имеют много общих черт и вполне возможно, что они родственны друг другу. По принятой в средневропейской археологии периодизации, их расцвет пришелся на конец ранней – начало средней эпохи бронзы (по П. Рейнеке A₂/B₁, по Б. Хенселю FD III/SD I). Предполагается, что они возникли на местной карпато-балканской основе при влиянии Передней Азии и Эгея. Обычно их оценивают как самое яркое явление автохтонного бронзового века, как своего рода блестящий итог его эволюционного развития. Некоторые авторы связывают с ними и начало цивилизационного процесса в Средней и Юго-Восточной Европе (Hüttel 1982).

Дальнейшее развитие карпато-дунайского очага было насильственно прервано вторжением с запада и северо-запада носителей курганной культуры. Последние заняли значительную часть Венгерской равнины (до р. Тиссы) и всю Словацкую низменность. В результате этих событий прекратили существование культуры фюзешабонь, ватья, мадьяровская, а отоманская культура заметно сократила свой ареал. На территории современной Румынии автохтонные культуры сохранились, но попали в состояние стагнации. На западной и северо-западной границах этих культур возник целый пояс так называемых буферных культур (пилини, сучья де сус, хайдубагош и т. д.).

Примерно в то же время карпато-дунайский очаг испытал сильное давление с востока, в конечном итоге это привело к гибели культуры монтеору и формированию нового обширного блока культур (ноуа-кослоджени-сабадиновка), который протянулся от Нижнего Поднепровья до Юго-Восточной Трансильвании. На остальной территории Румынии остатки населения культур отомань, витенберг и теї окончательно исчезают в XII в. до н. э. под ударами новой миграционной волны с запада.

По другому сценарию развивались события в Восточной Европе. Первичное ядро волго-уральского очага составил блок из

трех культур: покровской, синташтинской и петровской. Несмотря на всю свою внешнюю выразительность, в структурном отношении эти культуры выглядят весьма аморфно. Каждая из них представлена множеством слабо дифференцированных типов, которые обычно состоят из небольшого числа артефактов. Согласно теории, такая структура характерна для начальной стадии культурогенеза (D. Clark 1968). Действительно, во всех названных культурах более или менее отчетливо прослеживаются их истоки. Они разнородны. Наиболее заметен, причем во всех трех частях блока, абашевский компонент (в "синташте" и "петровке" — в баланбашском варианте, а в "покровске" — в средневожском). Абашевское наследие очень хорошо проявляется в керамике, металле и некоторых других категориях материала. Но, как правило, оно выступает уже в трансформированном виде. Второй компонент представлен элементами местных культур эпохи средней бронзы: полтавкинской, катакомбной, бабинской, вишневецкой и т. д. Вопреки ожиданиям, он пока улавливается с большим трудом, предстоит еще выяснить его истинное значение.

Особую роль в волго-уральском культурогенезе сыграл еще один фактор — сейминско-турбинский. Его влияние сказалось в социальной и военной сферах и, конечно же, в металлопроизводстве. Кроме того, он, вероятно, явился тем исходным импульсом, который придавал процессу культурогенеза взрывной характер. Надо полагать, что продвижение из Сибири сильно вооруженных и хорошо организованных групп сейминско-турбинского населения вызвало дестабилизацию волго-уральской культурной среды. В силу географической близости эти события сильнее всего отразились на абашевской культуре, часть населения которой была вынуждена передвинуться в южном и юго-восточном направлении (О. Кузьмина 1992; Горбунов 1992). Абашевская волна, достигнув доно-вожско-уральской степи и лесостепи, стала основой формирования нового культурного блока (покровск-синташта-петровка). Как уже отмечалось, в него вошел и ряд других компонентов. Помимо этого, на ход культурогенеза также оказали воздействие и внутриблоковые связи и влияния. В этом отношении особенно активной была самая развитая и центральная по местонахождению культура блока — синташтинская. Ее отдельные, изолированные группы даже мигрировали на соседние и более отдаленные территории. Именно этим можно объяс-

нить появление в Поволжье и на Среднем Дону памятников по-таповского типа (Васильев, Кузнецов, Семенова 1994). С другой стороны, покровская и петровская культуры также постепенно расширяли свои ареалы.

В итоге можно заключить, что сутью начальной фазы волго-уральского культурогенеза явилось движение и взаимодействие различных культурных компонентов. Дальнейшее развитие протекало в более спокойном, эволюционном русле: покровская культура развилась в срубную, а синташтинская и петровская — в алакульскую. Эти новые, а точнее говоря поздние этапы предшествующих культур, демонстрируют устойчивые традиции во всех категориях материала. Столь же упорядоченными выглядят и их структуры. Исследователи единодушно отмечают их стабильный характер. Но наряду с этим, у них исчезают все главные признаки вождества (погребения элиты, укрепленные поселения, монументальная архитектура и т. д.). Более того, если судить по данным погребального обряда, в обеих культурах стала преобладать эгалитарная идеология. Остается неясным, чем вызваны отмеченные перемены. Однако, вполне очевиден сам факт деэволюции в социальной сфере.

Около середины II тыс. до н. э. на большей части своих территорий срубная и алакульская культуры прекращают существование: их сменяют другие культурные образования. На этом завершился самый активный и яркий период волго-уральского культурогенеза. Он оказался очень результативным. Если говорить образно, то именно тогда родилась эпоха поздней бронзы южной половины Восточной Европы и Казахстана. Хотя и в дальнейшем Волго-Уралье оставалось одним из мощных генераторов различного рода инноваций и новых культур, его роль в Северной Евразии постепенно снижается. Развитие обширной культурной общности, возникшей под его прямым воздействием, все больше идет по пути дивергенции, все большее значение приобретают региональные факторы. К концу эпохи поздней бронзы (XII—X вв. до н. э.) она фактически распадается.

8. Проведенный обзор позволяет сделать несколько выводов. На мой взгляд, решающую роль в становлении и развитии карпато-дунайского и волго-уральского очагов культурогенеза сыграла элита. Все основные экономические и военные достижения этих очагов, благодаря которым они заняли доминирующее по-

ложение на значительной части европейского континента, так или иначе связаны именно с деятельностью элиты. Она имела прямое отношение к подъему металлопроизводства и торговли, строительству крепостей, развитию колесного транспорта и многому другому. Особенно сильное воздействие элита оказала на развитие вооружения. Это естественно, т. к. главной опорой ее власти была военная сила. Военный характер элиты ярче всего проявился в волго-уральском очаге. Здесь, за сравнительно короткий промежуток времени и, как кажется, почти на пустом месте, удалось создать один из самых мощных для того времени военных потенциалов. Его ударной силой были легкие боевые колесницы, запряженные лошадьми. Это первое в истории человечества скоростное оружие в то время, в эпоху бронзы, видимо, обладало несокрушимой мощью и давало громадные преимущества. Возможно, именно этим объясняется та быстрота и легкость, с которой влияние волго-уральского очага распространилось на огромную территорию.

Гибель элиты в карпато-дунайском регионе и ее внезапное исчезновение в волго-уральском очаге привели к одинаковым и негативным последствиям: социальной деэволюции, стагнации и даже упадку многих сторон культуры.

Рассмотренные очаги культурогенеза представляют собой лишь частные примеры более широкого круга подобных явлений. Не секрет, что в условиях поздней первобытности достижение тем или иным обществом (культурой) высокого предгосударственного уровня развития, не такое уж редкое событие (Kristiansen 1992). Можно даже утверждать, что в Европе в течение бронзового века это происходило регулярно, и такие общества могли возникать вполне самостоятельно, без прямого влияния цивилизаций Древнего Востока и Эгеи. Пример тому – волго-уральский очаг культурогенеза. Но столь же регулярно все оборачивалось вспять. Так случилось в постмайкопское время на Северном Кавказе, в эпоху ранней бронзы на Северных Балканах, в эпоху поздней бронзы на Датском полуострове и т. д. Очевидно, подойти к порогу цивилизации было гораздо легче, чем его перешагнуть. Более того, даже удержаться на уже достигнутом уровне никому не удавалось сколько-нибудь длительное время – следовал неизбежный откат назад.

Эти наблюдения могут привести к выводу о том, что все развитие в европейском бронзовом веке сводится к движению по замкнутому кругу. Однако, это не совсем верно. В действительности, даже при самых страшных катастрофах и радикальных изменениях по меньшей мере один элемент культуры не был подвержен деэволюции. Это — технология, в нашем случае — технология металлопроизводства. Она не только каждый раз сохраняла свое ядро, но постепенно и неуклонно прогрессировала. Это по ее ступеням упорно карабкалась вверх социальная эволюция, пока в конце концов, после стольких неудач, не вышла на дорогу цивилизации. Мысль об особой роли технологии, как фактора преемственности и прогресса в культуре, в сущности, не столь уж нова. На мой взгляд, она лежит в основе системы трех веков Томсена-Ворсе.

**Ю. Е. Березкин
(Санкт-Петербург)**

АРКАИМ КАК ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ ЦЕНТР: ВЗГЛЯД АМЕРИКАНИСТА

Чтобы убедиться в устойчивости традиций, не обязательно обращаться к древности. О ней не хуже свидетельствует сосуществование европейской и американской археологических школ, все еще слабо влияющих друг на друга, несмотря на доступность информации. Американская археология сформировалась на базе не античного искусствоведения, а естествознания, и с самого начала была ориентирована на изучение не событий, а процессов. Американские археологи-практики мало вмешивались в социоантропологические дискуссии между сторонниками Л. Уайта и Ф. Боаса, но в массе своей были и остаются эволюционистами, для которых развитие культуры определяется в конечном итоге законами термодинамики, а успехи цивилизации — масштабами производства белков и углеводов. Дискуссии, возникающие внутри данной школы, не подрывают ее основ, а лишь ведут к замене упрощенных однолинейных моделей развития многолинейными и многоступенчатыми.

Как и всякий иной, термодинамический подход к истории имеет ограничения, но у него есть по крайней мере два плюса. Первый — это применение одинаковых мерок к явлениям и про-

цессам, имевшим место на разных территориях и в разные эпохи, что делает разнокультурные общества сопоставимыми. Второе преимущество — это эмоциональная сдержанность и понимание того, что эпитеты типа “загадочный” в науке неуместны.

Важным шагом в развитии американской социальной антропологии (а тем самым и археологии в той мере, в какой она занимается реконструкцией социополитических систем) было создание концепции вождества, сформулированной и разработанной в 50–60-х годах по данным этнографии Океании и Нового Света. Дело было не столько в вождестве как таковом, которое может и не представлять собой универсальную ступень эволюции, а в переходе к выявлению в аморфной массе “первобытно-общинных” социумов некоторых конкретных структур, идентифицируемых по вполне определенным признакам. Изучение обществ уровня вождества — ключ к пониманию возможных форм человеческой организации. Проводя сравнение с биологией, любые государственные общества допустимо уподобить единственному типу хордовых, а автономные общины — одноклеточным. В этом случае на долю промежуточных обществ — догосударственных, но уже “многоклеточных”, надобщинных, приходится разнообразие всех остальных типов.

Содержание термина *вождество* уточнялось неоднократно. Ряд исследователей продолжает отстаивать мнение, что для вождеств необходимы не просто существование надобщинного властного центра, но редистрибуция продуктов массового потребления. Убедительнее, однако, позиция тех, кто, подобно Р. Карнейро и Т. Эрлу, не включает в социополитические дефиниции указания на конкретные формы производства и потребления.

До тех пор, пока вождество рассматривалось в качестве универсальной эволюционной ступени, было естественно пытаться обнаружить его во всех регионах. В отношении Западной Европы начатая К. Ренфрю работа такого рода оказалась весьма плодотворной. В советской науке использование концепции вождества (цифдом) к характеристике степных обществ (Хазанов 1979: 161) и китайского государства на этапе его становления (Васильев 1983) было воспринято многими как шаг к освобождению от пут марксистской догматики. Популярная в 70-х годах идея параллелизма в развитии американских и ближневосточных цивилизаций заставляла искать вождества и в древней Месопотамии.

Попытки такого рода со стороны американистов (К. Фленнери, Г. Уилли) не опирались, однако, на глубокий анализ материала и особого резонанса не получили.

В последнее десятилетие наличие централизованных иерархических структур во главе с властной элитой было поставлено под сомнение в отношении ряда сложных обществ самой доколумбовой Америки. Сейчас уже широко признано, что общества с демографическими параметрами от тысячи до немногих десятков тысяч человек могут демонстрировать разные модели организации. Предложен нейтральный термин среднemasштабное (middle range) общество (Feinman, Neitzel 1984; Upham 1987). Этнографические и социологические данные показывают, что коллективы численностью до нескольких сотен, максимум до 500–1000 человек способны функционировать без формализации процесса принятия решений и возникновения неполовозрастных социальных градаций. Более крупные коллективы либо эфемерны, либо вырабатывают разнообразные структуры с целью удерживать социум от распада.

К категории среднemasштабных могут быть отнесены все те общества, которые справились с подобной задачей, но не достигли уровня государства. Вождества численностью более 50000 практически не известны (Baker, Sanders 1972; Carneiro 1987: 762). Определение минимальной численности населения государств не служило предметом специальных работ. Судя по исследованиям в зоне майя, она должна находиться на уровне 10000 человек, но эта цифра требует оговорок. Во-первых, наличие собственно государственных институтов управления в мелких центрах (например, в Копане ранее VIII в.) вовсе не очевидно. Во-вторых, речь идет о городах-государствах не первого поколения в своем регионе. Первичные государства (Теотиуакан, Монте-Альбан, и, видимо, Эль-Мирадор в Мезоамерике, Мочика, Уари и Тиауанако в Центральных Андах, Урук в Месопотамии) дают оценки, превышающие 20000.

Среднemasштабные общества, подобно как государствам, так и автономным общинам, представляют собой объединения, члены которых постоянно совершают акты передачи своих властных полномочий, вступая в сложную систему взаимоотношений (Adams 1975: 57). В отличие от всех них "племя" объединено лишь самосознанием своих членов.

Пролеживаются две основные ступени в развитии среднемасштабных обществ. К. Ренфрю писал о вождествах, ориентированных на соответственно *коллективные* и *индивидуальные* интересы. Во главе одних находятся харизматические лидеры, не стремящиеся к накоплению собственности, во главе других – резко отделенная от остального общества знать (Renfrew 1973, 1974: 74–83). Дж. Рик (Стенфордский университет) различает общества, в которых интеграция происходит в ходе решения общих задач, и те, в которых ее осуществляет элита, контролирующая ресурсы, информацию и рабочую силу и концентрирующая в своих руках власть и ценности (Rick 1990: 480). Популярна терминология Г. А. Джонсона, который различает последовательный (*sequential*) и синхронный (*simultaneous*) типы иерархических структур. В первом случае как можно больше решений принимается наверху и посылается вниз по цепочке. Во втором, центр занимается только делами, которые иначе не могут быть отрегулированы, но не вмешивается в сферы компетенции нижележащих уровней. Хотя ранговые различия сверх половозрастных здесь существуют, обособленная элита отсутствует. К. А. Spielmann (Spielmann 1994: 45) называет в качестве примера последовательных иерархий конфедерации гурунов и ирокезов.

Для доказательства развития социальной стратификации и наличия надобщинных организационных структур археологи привлекают данные о богатых захоронениях и об общественных сооружениях. В целом ясно, что для обществ, *ориентированных на решение коллективных задач, последовательно иерархических* или как бы их еще ни называть, типична такая дифференциация захоронений, при которой важна главным образом статусная неравноценность обряда или инвентаря. Что до абсолютных затрат, то они все еще таковы, что рядовой член общества при большом желании и снятии соответствующего табу мог бы организовать для себя нечто подобное. В обществах же с резко обособленной правящей элитой встречаются захоронения, в которых аккумулярованы трудовые затраты всего коллектива, и отдельные лица подобных богатств в принципе не могли бы скопить.

В обществах, знакомых с металлургией, граница между дифференциацией первого и второго типа прослеживается четче всего, поскольку обособление элиты приводит к появлению в моги-

лах массивных золотых изделий. Как недавно показал М. Викерс (Antiquity 64), в классической Греции стоимость расписной керамики, бронзы, серебра и золота находилась в пропорции 1:10:1000:10000. Подобное соотношение мало изменилось до наших дней, и вряд ли оно могло быть резко отличным в других культурах. Это значит, что даже сто бронзовых сосудов (что само по себе не мало) не сравнятся по ценности с одним золотым. В Перу скачок в удорожании инвентаря элитарных могил произошел где-то между 900 и 400 гг. до н. э., т. е. почти за тысячу лет до образования первых государств, а на Ближнем Востоке либо одновременно со сложением государственности (в Позднем Уруке, о чем нет, однако, прямых данных), либо только в раннединастический период. В Восточном Иране и на сопредельных территориях аналогичный скачок имел место на рубеже III и II тыс. до н. э. после распространения Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, в Западной Европе — в первой половине II тыс. до н. э.

Во всех случаях, кроме, кажется, неолита Балкан (Варненский могильник), крупные общественные сооружения появляются много раньше погребений с золотом. Материалы доколумбовой Америки здесь особенно показательны.

Так общество культуры поверти поит на нижней Миссиссиппи около 1000 г. до н. э. хотя и не было социально однородным, еще не породило коншвную сокровища элиту. Типичные для поверти поит украшения из самородной меди, раковин и привозных камней в техническом, художественном и ценностном отношении не отличаются принципиально от некоторых категорий охотничьего оружия и орудий труда и *демонстрируют неожиданно широкое распространение* в пределах памятников (Webb 1977: 56). При этом объем искусственных насыпей на главном поселении достигает 750000 м³ (Webb 1968: 318).

На побережье Перу строительство высоких платформ под храмы начинается в середине III тыс. до н. э. Для возведения монументальных зданий в Эль-Парансо в конце III тыс. до н. э. потребовалось 100000 т камня (Moseley 1975: 95) и 2000000 чел./дней (Burger 1995: 40), а для возведения Уака Ла-Флорида в долине Римак в первой половине II тыс. до н. э. — 7000000 чел./дней (Burger 1995: 61). Объем монументальных платформ в долине Касма (середина — вторая половина II тыс. до н. э.)

достигает 0,5–3,0 млн м³, что в 10–30 раз больше объема кладки крупнейших месопотамских зиккуратов (Pozorski, Pozorski 1992: 867; 1993: 61). Самый грандиозный комплекс долины, Сечин-Альто, достигает в высоту 44 м и облицован гранитными блоками весом до 2 т (Burger 1995: 80). Сооружения украшены монументальной глиняной скульптурой и раскрашенными рельефами. Однако, *отсутствие следов мастерских... и общая бедность находок... по-видимому, исключает существование профессионального ремесла* (Burger 1995: 87). Судя же по материалам захоронений, как в III, так и во II тыс. до н. э. в обществе перуанского побережья имелись лишь статусные различия, а не имущественное неравенство в точном значении слова. Плохо прослеживаются и различия между стратами в стиле и образе жизни. Хотя на монументальных платформах или рядом с ними есть дома, отличающиеся лучшей отделкой, культурный слой в элитных и в рядовых комплексах идентичен по составу находок.

Симптоматично отсутствие рядом с перуанскими храмовыми платформами значительных скоплений жилищ. Все население долины Моче в конце II тыс. до н. э., когда здесь существовал монументальный комплекс Кабальо Муэрто (семь храмов, крупнейший – 120x100x18 м), оценивается в 1200 чел. (Pozorski 1980). Нет больших поселений и в Касме. Похоже, что платформы возводились на протяжении многих веков, и не тысячи, а сотни, если не десятки работников были заняты на строительстве в каждый данный момент. Предположения о густом населении побережья в III–II тыс. до н. э. (до 300–600 тыс. чел.; Feldman 1983: 294) исходят из оценки потенциальных ресурсов, однако полевая разведка неизменно указывала на невысокую численность населения этой эпохи. То же самое мы видим и в Мексике, где большие облицованные камнем террасы и монументальная скульптура появляются в конце II – начале I тыс. до н. э., когда в соответствующих долинах жили 1000–2000 человек (в частности в Чалькасинго и в Оахаке).

Перуанские монументальные сооружения II тыс. до н. э. не только велики по объему, но и имеют сложную планировку, отражающую космологические концепции. Что все это является продуктом деятельности не только не государств, но даже не вождей, а обществ численностью несколько тысяч человек во главе с непонятными “харизматическими лидерами” – эта идея вряд

ли нашла бы много сторонников, если бы не оказалась подкреплена этнографией. Наблюдения, однако, показывают, что родовые структуры перуанских индейцев способны инициировать и поддерживать крупномасштабные общественные работы. Весьма вероятно, что система имеет обратную связь: дуально-иерархическая родовая организация обеспечивает координацию деятельности, а необходимость в подобной деятельности способствует развитию родовых структур. Не исключены и иные принципы организации, помимо реального или фиктивного родства. Например, на Юго-западе США ту роль, которую выполняли у западных пуэбло родовые объединения, у восточных играли религиозные общества (Brandt 1994: 14).

Нет сомнений, что неутлититарные общественные сооружения появляются задолго до вождеств и вообще до образования коллективов, демографические параметры которых выходят за рамки автономных общин. В горных районах Центральных Анд искусственные насыпи, каменные и глиняные конструкции известны с VI–IV тыс. до н. э. (Нанчок, Пирурю, Асана и др.), тогда как первые оседлые деревни – лишь со II тыс. до н. э. Объяснить этот факт опять-таки помогают данные этнографии.

В фокусе многих американских территориальных объединений находится так называемый церемониальный центр – *остроумное изобретение для интеграции рассеянного населения* (De Voe, Blitz 1991: 62), необходимое там, где экономически невозможно или нецелесообразно жить вместе. На протяжении большей части года люди заняты эксплуатацией ресурсов своей территории, причем формы хозяйственной деятельности могут быть любыми – от охоты и собирательства (у огнеземельцев селькнам) или специализированного собирательства и рыболовства (у варрау устья Ориноко) до развитого земледелия у каяпа западного Эквадора, коги и пика гор Сьерра-Невада на севере Колумбии или майя цоциль в Гватемале. Рассредоточенное расселение объясняется и спецификой охотничье-собирательского хозяйства, и особенностями земледелия в тропической зоне в условиях пересеченной местности, и просто стремлением жить рядом с обрабатываемыми участками, чтобы сократить транспортные расходы. Единственным способом сохранить в этих условиях единство коллектива (необходимое для обороны, регулирования брачных связей и т. п.) является периодический сход населения в предна-

значенном для этого месте. У цоцль в 1960-х годах в муниципалитете Синакантан на территории размером 12x10 км жило 8000 человек (Vogt 1969). В самом Синакантане было около 400 обитателей, из них 2/5 переселившихся только на год, в связи с временным исполнением функций по управлению и обслуживанию общины. Зато в дни праздников в центре собирались 4–5 тысяч индейцев. Естественно, что для создания и обслуживания церемониального центра необходимы общественные работы, и если они осуществляются регулярно и с использованием прочных материалов, появляются монументальные платформы и статуи.

Понятие церемониального центра не полностью альтернативно понятию города. Если ресурсы позволяют содержать значительную массу людей, не занятых в производстве пищи (знать и всех, кто обслуживает ее нужды), урбанизация вокруг церемониального центра может достигнуть значительного развития, хотя происходит это чаще уже в государственных обществах. Однако центр и в этом случае может продолжать исполнять свои функции интегрирующего фокуса по отношению к многочисленному сельскому населению, как это могло быть у классических майя в Копане. В то же время на Ближнем и Среднем Востоке известны поселения (начиная от Айн-Газала VII тыс. до н. э. и кончая Уруком или Шахри-Сохте конца IV – начала III тыс. до н. э.), в которых все или большинство жителей ареала обитало постоянно, имея тем самым возможность непрерывно поддерживать контакты внутри своего социума. Для этого региона церемониальные центры не характерны.

Система рассредоточенного расселения и церемониальных центров имеет два параметра, демографический и пространственный, из которых первый меняется, а второй стабилен. Рассматриваемые территориальные объединения от огнеземельцев до майя всегда занимают площадь в пределах 100–1000 км², чаще ближе к нижнему пределу, имея в поперечнике 10–30 км. 10–30 км – это именно та территория, которую легко пересечь пешком за день, что позволяет поддерживать связь центра с окраинами. Уже давно установлено, что подобные размеры демонстрируют типичные вождества (Helms 1979: 53; Spencer 1987: 375), но аналогичные параметры характерны и для коллективов численностью в сто – двести человек, если именно такая группа представляет высшую ступень интеграции. Превратится ли малочис-

ленная община в среднемасштабное общество, а затем (в редчайших случаях) в первичное государство, зависит в конечном счете от того, какой численности достигнет население, проживающее в данных границах. Допустимая плотность населения определяется в свою очередь природными, технологическими и организационными возможностями. Использование общедоступных транспортных средств (лошадь, лодки) несколько раздвигает территориальные границы сообществ.

Что можно предполагать в свете сказанного относительно организации населения синташтинской культуры? Радиус территории вокруг памятников типа Аркаима и Синташты (20–30 км; Г. Зданович, В. Зданович 1995: 54) соответствует параметрам, типичным для церемониальных центров. С этим выводом согласуется сравнительно небольшая, как можно понять, насыщенность культурного слоя круглоплановых поселений, а также тот факт, что *наравне с укрепленными поселениями... широко распространены небольшие неукрепленные селения и сезонные стоянки* (Г. Зданович, В. Зданович 1995: 54). К характеристике Аркаима как *административно-религиозного центра, выполняющего социальные, информационные и сакральные функции* (Потемкина 1995: 151) нечего добавить, кроме того, что подобные центры – не редкость, не уникальный феномен, а одна из распространеннейших структур в догосударственных обществах. Типична эта структура и для евразийских степей, где роль интегрирующих фокусов территориальных объединений почти наверняка играли крупные курганы, по сути – долговременные святилища. Возвращаясь к индейским материалам, отметим, что и в Америке роль центров выполняли как собственно храмы, так и украшенные монументальной скульптурой склепы умерших вождей (напр., в колумбийской культуре сан-агустин I тыс. н. э.).

Чтобы оценить уровень социополитической сложности синташтинского общества, обратимся прежде всего к демографии. Согласно оценкам авторов раскопок, на Аркаиме имелось 60 построек площадью 100–180 м², а общая площадь поселения (включая укрепления) составляла примерно 2 га. Синташта имела приблизительно те же размеры. Беря среднюю площадь пола жилища в 150 м² (цифра эта скорее завышенная), получаем общую площадь жилых помещений 60х150=9000 м². По этнографи-

ческим данным подсчитано, что число обитателей бывает обычно равно 1/10 площади пола, выраженной в квадратных метрах (Naroll 1962), в нашем случае — около тысячи. С другой стороны, плотность населения порядка 500 чел./га для традиционного неурбанизированного общества невероятна, ее никто нигде не фиксировал. Максимальная плотность жителей в небольших плотно застроенных деревушках Месопотамии и Ирана составляет 180–200 чел./га (Aurench 1981: 97). Однако Арканм, как мы только что предположили, представлял собой не поселение со стационарным числом обитателей, а церемониальный центр, куда люди (кроме небольшой группы знати, ремесленников и пр.) собирались лишь для совершения ритуалов или в случае военной опасности. При таких условиях 1000 человек — цифра реальная и даже не предельная. Предел этот определить трудно, но он вряд ли все же превосходил 2000, ибо в противном случае собравшиеся внутри укрепления оказывались бы буквально на головах друг у друга.

Полученная оценка — 1000–2000 (пусть даже 3000!) человек — относится уже не к поселению, а ко всему социополитическому организму, в фокусе которого находился Арканм. Могло ли быть подобное сообщество вождеством? Да, однако вождеством примитивным, с простейшей организационной структурой. Говорить здесь о *достижении уровня предгосударственных образований* допустимо было бы только в случае, если бы оказалось, что один или несколько синташтинских центров оказался на порядок больше и богаче других. Тогда появились бы основания рассматривать в качестве целостного социума население всего синташтинского ареала. Насколько известно, подобных ранговых различий между отдельными круглоплановыми поселениями нет.

Картина, которая вырисовывается по материалам захоронений, соответствует демографическим оценкам. Эти данные свидетельствуют об имущественной и социальной стратификации, но не указывает на накопление сокровищ в руках вождей. Ничего подобного древнебактрийским золотым сосудам и горнам (Pottier 1984) в Синташте нет. Оценить стоимость колесниц трудно, но судя по отсутствию соответствующих деталей в могилах, колесницы тоже не имели украшений из драгоценных металлов. Сама сравнительная многочисленность найденных колесниц, сходных размеров и конструкционно, указывает на то, что перед нами

могилы членов группы, страта, корпорации, но не вождей, обладавших индивидуальными властными полномочиями.

Что же касается неутилитарной синташтинской архитектуры, то, как показали сами авторы раскопок, для возведения Большого Кургана было достаточно ста работников (В. Ф. Геннинг, Г. Б. Зданович, В. В. Геннинг 1992: 370). Высокая семиотическая насыщенность сооружений (вписанные друг в друга круги и квадраты, соблюдение определенных пропорций и т.п.) отражает сложный и богатый духовный мир синташтинцев, но все эти обстоятельства не редкость для догосударственных обществ. Обращаясь опять за аналогиями к американским индейцам, можно убедиться, что изощреннейшие космологические системы вместе с отражающей их продуманной, насыщенной символикой архитектурой представлены не только в вождествах, но и в небольших автономных общинах. Почему при этом в некоторых ареалах (напр., в северо-западной Амазонии или у ряда народов Гвiany) художественная культура и архитектура достигают особенно высокого уровня развития, объяснить так же непросто, как и истоки "синташтинского феномена". В таких вопросах подсчеты калорий и квадратных метров пола малорезультативны.

Но если ограничиться прозаическим сравнением размеров территорий, популяций и человеко-дней, то вывод нам кажется очевидным. Синташтинская общность хотя и выделяется на фоне предшествующих и последующих культур своего ареала, все же далека от настоящей городской цивилизации, пусть даже и столь архаической, как относящийся примерно к той же эпохе раннеиньский Китай.

II. КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

И. И. Мовчан, Е. В. Цвек
(Киев)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ И МОЛДОВЫ

Миграции и разносторонние контакты, происходившие в эпоху энеолита в Юго-Восточной Европе, привели к сложению нескольких крупных историко-культурных общностей. По мнению ряда исследователей, неолитическая культура Боян является одним из генетических компонентов двух крупных энеолитических культур — Гумельницкой и Прекукутени-Раннее Триполье. В ходе миграции носители культуры Боян проникли из Подунавья в юго-восточную Трансильванию и прикарпатские районы Молдовы. Ассимилировав остатки местного неолитического населения (потомки племен КЛЛК), они дали толчок генетическому процессу, в котором, вероятно, приняло участие и соседнее население (культуры Криш, Турдаш и др.). В результате миграции на восток и дальнейшего развития оформляется внутренне единая культура Прекукутени-Раннее Триполье (Збенович).

На поздней фазе развития в некогда монолитной культуре ощущается тенденция к дифференциации. На западе, за Днестром, приток новых этнических элементов вызывает формирование новой, кукутенской культуры, в которой очень быстро исчезают элементы прежней, прекукутенской культуры (Сорокин). Один из основных признаков этой культуры — наличие в керамическом комплексе 60–80% сосудов, украшенных полихромной или монохромной росписью и большое количество антропоморфной пластики. Ныне внутри этого массива исследователи выделяют ряд локальных вариантов или культур — Кукутени, Петрешти, Дрегушени (Мовша, Сорокин).

Эволюция от раннего к среднему Триполью на территории восточного ареала (бассейны Ю. Буга, Днепра) проходила более спокойно. Здесь долго сохраняются раннетрипольские традиции, постепенно уступавшие место инновациям, связанным с появлением импортной расписной керамики и с изменениями в домост-

роительстве, идеологии и хозяйстве. На востоке зарождалось новое культурное явление, отличное от западной синхронной кукутенской культуры. Исходя из общепризнанных в российской и украинской археологии критериев определения термина “археологическая культура”, можно констатировать зарождение внутри кукутено-трипольской общности отдельной восточнотрипольской культуры и проследить ее структуру и процесс развития.

Термин “трипольская культура” – более широкое понятие – часто применяемый исследователями как аналог кукутенской культуры к памятникам последней, расположенным на территории Украины и Молдовы. Введение нового термина “восточнотрипольская культура” позволяет более четко выделить круг самобытных памятников восточного ареала кукутень-трипольской общности, объединенных в систему и отличных по характеристикам от поселений кукутенской культуры.

Памятники восточнотрипольской культуры занимают территорию между Южным Бугом и Днестром. Их объединяет общее происхождение и идеологические представления, традиции в хозяйстве и производстве (особенно в керамическом). На протяжении многовекового существования население стойко сохраняло традицию оформления керамики углубленным орнаментом (40–50 %). При отправлении культов почти не употреблялась антропоморфная пластика. В пределах своей территории и на всем протяжении существования восточнотрипольская культура, не была единой и монолитной. По мере расселения и развития родственных этнокультурных групп нарастают и становятся ощутимыми различия в их материальной культуре. В рамках восточнотрипольской культуры выделяются четыре локальных варианта.

Основная часть памятников буго-днепровского локального варианта расположена в бассейнах р. Рось, Горный и Гнилой Тикич. Накопленный материал позволяет раскрыть внутреннюю структуру, состоящую из групп памятников (гнезд), отражающих развитие во времени отдельного социального коллектива от начала и до конца существования общин буго-днепровского локального варианта. Второй локальный вариант – северобугский (по И. Зайцу) или среднебугский (по С. Гусеву) – объединяет памятники северной части среднего течения Ю. Буга, а также бассейн р. Соб. Поселения этого локального варианта, имея общую генетическую основу с памятниками Буго-Днепровского

междуречья, в ходе развития приобрели своеобразный этнографический облик. Территория распространения третьего, южнобугского локального варианта, невелика. Она ограничена р. Ю. Буг — с юга, р. Удич с запада, нижним течением р. Синюхи — с востока. Северной границей, вероятно, была р. Большая Высь. Своеобразный облик памятникам южнобугского варианта придали тесные связи с населением дунайской области (культура Болград-Алдень). Начало формирования четвертого локального варианта (днепровского) относится к середине развитого Триполья. Причиной продвижения населения восточнотрипольской культуры на Днепр явилось внутреннее ее развитие и проникновение в Буго-Днепровское междуречье кукутенских племен.

Анализ археологических материалов, полученных при изучении памятников локальных вариантов восточнотрипольской культуры позволяет вскрыть общее и особенное в процессе формирования культуры в районах между Южным Бугом и Днепром. Локальные варианты восточнотрипольской культуры едины в своем происхождении, но каждый из них имеет яркие отличительные особенности. Расселение племен восточнотрипольской культуры на значительные территории, контакт с индоевропейским населением, заимствования в духовной и материальной культуре (особенно в керамическом комплексе) придали своеобразный облик локальным вариантам восточного Триполья.

Анализ основных признаков, характеризующих кукутенскую и восточнотрипольскую культуры, показывает их значительные отличия в материальной и духовной культуре. Сопоставление керамики одновременных памятников этих культур еще раз подчеркивает самостоятельность восточнотрипольской культуры.

И. Л. Алексеева
(Одесса)

ОСОБЕННОСТИ КОНВЕРГЕНТНОГО РАЗВИТИЯ СТЕПНЫХ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

1. На рубеже IV—III тыс. до н. э. в западных регионах древнейшей культурной общности в результате контактов с носителями трипольской культуры (начиная с этапов VI—VII), ранних

звеньев культур инуровой керамики (среднеднепровской, верхнеднепровской и подольской групп подкарпатской культуры, культур одиночных погребений, воронковидных кубков) и населением Балкан-Подунавья (Чернавода, Гумельница типа Алдень II) формируется суворовская культурная группа энеолитического времени (днестро-дунайская культура эпохи ранней бронзы), сложившаяся на основе традиций древнеямной культурной общности, а также доусатовская энеолитическая культурная группа, продолжающая особенности развития культуры типа нижнемихайловских памятников на западной их периферии.

2. Становление доусатовской культурной группы в Северо-Западном Причерноморье носило конвергентный характер. Воспринимаются черты погребального ритуала, характерные для степи: использование камня в оформлении могил, сооружение кромлеха и курганной насыпи, погребальной ямы, применение охры, некоторые разновидности погребального инвентаря (украшения из раковин и молочных зубов оленя). Успех проникновения новых черт обряда захоронений определялся, прежде всего, степным образом жизни доусатовских племен и одинаковыми с населением Нижней Михайловки условиями существования.

3. Суворовская энеолитическая группа формировалась в результате смешения инноваций с традициями ямной культурной общности. Это было вызвано не только общей социально-экономической организацией носителей разных культурных традиций, общими, более древними "нормами" погребальной обрядности, общей идеологической системой с концептуальными идеями, но также конвергентным характером развития культур. Результатом такого взаимодействия было становление более прогрессивных (в экономическом и социальном плане) норм развития общества.

5. С конвергентным развитием днестро-дунайской культуры связывается изготовление и употребление деревянных повозок и каменных антропоморфных изваяний. Косвенно, это способствовало развитию камнерезного дела: мастера владели техникой пиления, сверления, резания, гравировки, шлифовки, пикетажа, ретуши (Г. Ф. Коробкова). Высокий профессионализм камнерезов демонстрирует каменный скипетр в виде головы лошади, найденный в энеолитическом погребении суворовской культурной группы в Нижнем Подунавье. Приемы, которыми владели мастера, проявились в изготовлении каменных антропоморфных

стел, каменных ящиков (иногда с выпиленными пазами для плотной пристыковки), на каменном и кремневом инвентаре.

6. Днестро-дунайская культура просуществовала в Северо-Западном Причерноморье на протяжении почти тысячелетия. Об этом свидетельствуют погребальный инвентарь и многочисленные курганы, открытые не только вблизи рек, но и далеко в степи и содержащие до трех разновременных подсылок от энеолита до конца эпохи ранней бронзы. Длительное существование в днестро-дунайском междуречье способствовало глубоким процессам диффузии и интеграции – даже в условиях консервативной идеологии древнейшего общества. Ускорению этих процессов содействовало широкое использование колесного транспорта и коня как средства передвижения (В. М. Массон).

В. Г. Петренко
(Одесса)

КОНТАКТНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В ЭНЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

1. Имеющаяся в распоряжении науки источниковая база позволяет выделять два периода, на протяжении которых взаимодействие энеолитических скотоводов Северо-Западного Причерноморья с соседними балкано-дунайскими группами и общинами Кукутени-Триполья сопровождалось контактной конвергенцией культурных традиций и возникновением разновременных конвергентных зон. Эти же зоны выделяются и как ареалы интенсивного формирования инновационных моделей (очаги культурогенеза, по терминологии В. С. Бочкарева).

2. Конвергентная зона первого периода охватывает территорию распространения хаджидерской группы и культуры Чернавда I в области нижнего течения Дуная. Предварительная характеристика этой недавно выделенной культурной группы, позволила поставить ее в связь с Чернавдой I (Петренко 1989). В настоящее время можно говорить о взаимообусловленном, конвергентном возникновении и развитии названных групп (культур). Основанием для сделанного вывода являются керамические материалы. По релятивно-хронологической шкале Триполья рассматриваемые памятники датируются концом этапа VII – этапом CI

этой культуры. Иные получены типолого-стратиграфические и радиоуглеродные данные, которые, при подтверждении новыми исследованиями, потребуют опустить нижнюю хронологическую границу до этапа В1 Триполья – поздних ступеней Кукутени А.

3. Второй из рассматриваемых периодов лежит в хронологических рамках позднего этапа СII Триполья – Кукутени В3, возможно, речь может идти и о более раннем времени – периоде перехода к этому этапу от этапа Триполья СI – Кукутени В2. Ранее существовавшая конвергентная зона к тому времени, видимо, уже распалась, а новая – только начинала формироваться, фиксируя заметную переориентацию местных степных традиций развития культуры на новые эталоны и интеграцию с позднекукутенской культурой. В северном, лесостепном секторе новой конвергентной зоны складывается выхватинская группа древностей, а в южном, степном – усатовская культура, существовавшая в дальнейшем (на младшей ступени) параллельно с другими позднекукутенскими группами, в частности – с кириленской (усатовские связи которой прослеживаются особенно четко) и, возможно, с гордишештской (Бикбаев 1994; Петренко 1994).

**Н. Н. Скакун, Е. Г. Старкова, Н. В. Риндюк
(Санкт-Петербург)**

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ПАМЯТНИКИ ТРИПОЛЬЯ И СОСЕДНИЕ КУЛЬТУРЫ

1. Памятники Западной Волыни и Северного Прикарпатья имеют большое значение для изучения древней истории и связей Центральной и Восточной Европы. В IV–III тыс. до н. э. этот регион в разные периоды населяли племена различных энеолитических культур: Триполье, Лендель, Полгарской, воронковидных кубков и шаровидных амфор и др. Близкое соседство некоторых из них и относительная одновременность, а также сходство уровней развития обусловили наличие прослеживаемых в археологическом материале контактов и взаимодействий носителей различных культур.

2. Поселение Бодаки конца периода В II, расположенное на самом северо-западе ареала Триполья, на левом берегу р. Горыни, в ее верхнем течении, благодаря своему географическому по-

ложению, фиксирует в археологическом материале следы несомненных контактов с соседними энеолитическими культурами. Это обусловлено его расположением в контактной зоне, а также специализацией жителей поселения на добыче и обработке высококачественного волынского кремня. Многочисленные кремневые находки и высокий уровень кремнеобработки позволяют рассматривать последнюю в качестве одной из важнейших отраслей хозяйства и считать продукцию предметом экспорта в районы, бедные кремневым сырьем.

3. Наиболее ощутимо следы контактов прослеживаются в керамическом комплексе Бодаков: помимо материалов, типичных для трипольских памятников этого периода, здесь встречены элементы, характерные для культуры воронковидных кубков (сероглиняные лощеные сосуды с примесью мелкого песка; кухонный горшок с большим количеством органических примесей в тесте и раздутым туловом орнаментирован отрисками шнура и др.). Среди керамики Бодаков имеются фрагменты, которые как будто можно связать с лендельскими памятниками. В то же время отметим наличие в Бодаках керамики с ракушечной примесью, которую принято соотносить со степными культурами.

4. Поселения типа Бодаки составляют самую раннюю группу трипольских памятников в верховьях р. Горыни (Н. А. Пелещин) и фиксируют начало контактов трипольских племен на рассматриваемой территории с лендельскими и племенами культуры воронковидных кубков. Однако, данный тип памятников изучен еще слабо. Дальнейшие раскопки, в том числе и самого поселения Бодаки, по-видимому, позволят уточнить и конкретизировать время появления и характер этих контактов.

Ю. Я. Рассмакин
(Киев)

Поздний энеолит — ранний бронзовый век степного Причерноморья:

ПРОБЛЕМА “СКАЧКА” В РАЗВИТИИ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ.

1. Вынесенная в заглавие проблема заключается в выяснении характера процесса, приведшего к смене различных культур эпохи энеолита (нижнемихайловская, культуры среднестоговской

общности – скелянская, стоговская, квитянская, деревнская), памятниками ямной общности. Сложность решения связана, прежде всего с недостаточно четким представлением о развитии культур в позднем энеолите и характере тех памятников, которые часто называют раннеямными – времени Михайловка II (репинской культурой).

2. В эпоху энеолита этапы развития населения степного Причерноморья в значительной степени согласуются с развитием земледельческого мира Карпато-Балканской области и Триполья. На заключительном этапе энеолита эта взаимосвязь проявилась достаточно отчетливо. Распад трипольской культуры на этапе С/II полностью совпадает с распадом ряда степных культур на локальные формирования. В результате этого проявляются элементы синкретизма. В период Триполья С/II мы можем говорить о существовании в степной зоне таких, в целом, единых культур как нижнемихайловская на юге (от Дуная до Приазовья, возможно, до Дона); квитянская, с вытянутыми погребениями (в Поднепровье и на запад и восток от него в северной степной и по югу лесостепной зоны); а севернее, в лесостепной зоне – деревнская культура. В период Триполья С/II ситуация меняется. По нашим представлениям, к заключительной фазе энеолита складывается усатовская культура на юго-западе, поздняя нижнемихайловская сохраняет единство в южной полосе (от Южного Буга до Приазовья), в северной зоне степи Поднепровья сохраняет свои традиции поздняя квитянская культура, в Восточном Приазовье (на Нижнем Дону) формируется константиновская культура, в лесостепи Поднепровья и его левобережья сохраняется деревнская культура, а на Правобережье до Южного Буга, на стыке влияний трипольских, нижнемихайловских и квитянских традиций формируется синкретическая буго-днепровская группа.

Активизируется население лесостепной зоны, что проявилось в двух миграциях. Последние отражены в памятниках животиловско-волчанского типа и репинской культуры. Такова общая ситуация на рубеже энеолита и раннего бронзового века, т. е. во второй – начале третьей четверти III тыс. до н. э. (Мовша 1984), по трипольской шкале некалиброванных дат.

3. В дальнейшем, в азово-черноморских степях фиксируется уже более цельная и унифицированная ямная культура, та, которую часто называют “городцовой” или же позднеямной. Па-

мятники этой культуры можно относить к эпохе уже достоверно ранней бронзы. Внешне они отличаются от предшествующих по материальной культуре и погребальному обряду, причем отличия не фиксируются в виде какого-то эволюционного процесса, а представляются в качестве "скачкообразного" перехода, трудно объяснимого археологическими источниками. Этот переход напоминает переход от энеолита к раннему бронзовому веку в Балкано-Карпатском регионе, хотя и не тождественен последнему.

Смена энеолитического культурного многообразия унифицированной ямной общностью эпохи ранней бронзы не может быть объяснена лишь миграционными процессами. Несомненно, что в основе преобразования культур лежали местные традиции, одна из которых (или несколько) стали преобладающими, поэтому ямная культура формировалась уже в рамках своих локальных вариантов. С формальной точки зрения можно найти в ямной культуре многие элементы энеолита. Так, в обряде представлены те же виды погребений в скорченном положении, что и в энеолите, хотя внешнее оформление, и детали были уже другими. Черты керамических традиций (специфические уступы при переходе от венчика к тулову, приемы обработки поверхности, некоторые орнаментальные мотивы и техники их нанесения) можно найти в ямной керамике, но последняя существенно отличается по качеству. В общем облике ямной культуры эти элементы растворяются на фоне более грубой и внешне "деградированной" материальной культуры и более упрощенного погребального обряда.

4. Для объяснения перехода от энеолита к раннему бронзовому веку необходима разработка предварительной модели возможных процессов трансформации культур на данной территории. В Поволжье, видимо, развитие шло более эволюционно (Васильев 1981). Не все части такой модели могут быть раскрыты сейчас в одинаковой степени. Наиболее представительны данные экологии. Переход от энеолита к раннему бронзовому веку совпал с концом атлантического и началом суббореального периода, что означает постепенную аридизацию климата, пик которой пришелся на время существования ямной культуры. Этот процесс повлиял на позднетрипольские племена (Петренко 1992), в хозяйстве которых однозначно усилилась скотоводческая направленность. Те же процессы фиксируются в степном Причерноморье (Кременецкий 1991; Иванов 1983): можно гово-

рять о появлении здесь более выраженных, чем в энеолите, подвижных, полукучевых форм специализированного скотоводства, носителями которых были уже ямные племена. Экологическая и хозяйственная части модели были связаны и с демографической, но эта проблема разработана слабо. Лишь по элементарным сравнительным данным можно говорить о значительном росте населения в раннем бронзовом веке. Взаимосвязь всех частей модели может раскрыть смену облика культур на рубеже двух эпох, но решающей можно считать сейчас экологическо-хозяйственную, повлекшую за собой не только хозяйственную, но и общекультурную трансформацию.

Нельзя исключать влияние внешних факторов, как с Востока, так и с Запада, причем еще не определено преимущество первых. Существенную роль, видимо, играли процессы "баденизации" в Балкано-Карпатском регионе. Появление ряда форм или элементов посуды в ямное время (ручки, амфорки, чашки, налесты, орнаментальные мотивы) не может быть объяснено иначе, чем влиянием Балкано-Карпатского мира в период становления там раннего бронзового века.

Г. Н. Поплевко
(Санкт-Петербург)

ХОЗЯЙСТВО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

КОНСТАНТИНОВКА

(по данным трасологии)

1. В основу доклада положены результаты изучения материалов из камня и кремня пос. Константиновка (ок. 31500 экз.), любезно предоставленные для изучения В. Я. Княшко. Результаты исследований поселения и предварительные выводы опубликованы в ряде работ (Княшко 1974, 1980, 1988, 1994).

2. При изготовлении орудий жители поселения Константиновка в качестве сырья широко использовали местные речные гальки небольших размеров, добытые из древних русловых отложений. Это подтверждается большим количеством продуктов расщепления, имеющих желвачную корку — почти 18000 экз. из 27000 (не считая орудий с участками желвачной корки). Соотношение отходов с желвачной коркой среди отщепов разных раз-

меров и чешуек составляет 1:2 и 1:3. На поселении широко использовали технику оббивки с последующим тщательным ретушированием орудий; это т. н. отщеповая техника или "техника сохранения основы" — термин, употребляемый польскими археологами, связывающими появление такой техники с революционным процессом, приведшим ко многим изменениям в культурах позднего энеолита — ранней бронзы и ряду миграционных процессов (Березанская, Цвек, Ключко, Ляшко 1994).

Использовался в основном вязкий кремьнь серых оттенков с многочисленными включениями, известковыми отложениями и пустотами. Находки из высококачественного полупрозрачного кремня редки. Несмотря на плохое качество сырья, необходимо отметить высокое мастерство в обработке кремня и изготовлении прекрасных орудий с двусторонней обработкой поверхности: наконечников стрел, дротиков, копий, ножей, скребков и др. Наряду с тщательным ретушированием всей поверхности орудий, использовалась и подправка только рабочих лезвий с одной, реже — с двух сторон.

3. Орудия из кремня (более 4500 экз.) составляют 14,5% от числа изученных изделий; соответственно, 85,5% составляют отходы производства. Наиболее массовыми являются находки орудий, связанных с охотой и скотоводством — 2141 экз. (46,8%), из них с охотой связано 19% и 27,8% — со скорняжно-кожевенными работами. Наиболее многочисленным (1849 экз., т. е. 40,4%) является комплекс деревообрабатывающих орудий, что закономерно для памятников эпохи энеолита и ранней бронзы: представлены орудия, характеризующие весь спектр работ по дереву. Следует отметить, что впервые были выявлены вкладыши стругов, которые, вероятно, вставляли в деревянную основу типа современного рубанка. Проведенные замеры ширины рабочего лезвия и угла его заострения позволяют выделить 2–3 группы орудий такого типа. Характерная концентрация микроследов и параметры орудий дают основание для такой реконструкции, поскольку в качестве заготовок выступают различной формы отщепы, а не стандартные фрагменты пластин, которые можно хорошо закрепить в деревянной рукоятке традиционного двуручного струга, выделяемого Г. Ф. Коробковой, Н. Н. Скакуп и др. Стандартными в данном случае остаются лишь параметры ширины рабо-

чего лезвия и его угла заострения при различной общей форме исходных заготовок.

С обработкой камня связано 434 экз. (9,5%). Весьма сложно определиться с нуклеусами, т. к. некоторые исследователи относят их к орудиям, а другие — нет. Поэтому в комплексе орудий остались неучтенными 122 экз. нуклеусов. Орудия обработки кости и рога включают 137 экз. (3%). С абразивными работами по дереву связано 8 экз. (0,17%) орудий. Комплекс каменных орудий для обработки металла составляют 7 экз. (0,15%).

4. Судя по результатам трасологического анализа и типологической характеристике материалов, приведенной автором раскопок, на поселении совершенно отсутствуют орудия, связанные с земледелием. В. Я. Княшко указывает на наличие вкладышей с зеркальной заполировкой, но таковые в коллекции отсутствуют и более того, на раскопанной площади в 5000 м² нет ни одной зернотерки или песта для растирания зерна. Это приводит к выводу об отсутствии земледелия.

По результатам типологического, технологического и трасологического анализов можно сделать вывод о том, что для выделяемой В. Я. Княшко константиновской культуры, и в частности, для населения поселения Константиновка характерно скотоводческо-охотничье хозяйство с подсобной ролью рыболовства. Это подтверждает и высокий процент (40%) костей диких животных, преобладание мелкого рогатого скота над другими видами домашних животных (ок. 42%). Разнообразный набор деревообрабатывающих инструментов, состав фауны и данные пыльцевого анализа свидетельствуют, что поселок был расположен вблизи леса и основу жилищ и утварь изготавливали из дерева.

В связи с этим представляет интерес исследование кремневого материала из поселения Раздорское. Изученная мною небольшая выборка из слоя, синхронного Константиновке, дала аналогичные результаты.

5. Планиграфический анализ подтверждает предположение В. Я. Княшко о концентрации жилищ по периметру поселения, особенно в южной части. Выявлено несколько ярких скоплений орудий, распределяющихся в ЮЗ/Ю-ЮВ/В частях поселения. Отмечена концентрация деревообрабатывающих орудий в районе этих скоплений и, в некоторых случаях — скобящих

орудий для обработки шкур и наконечников стрел. Скопления отходов также располагались по периметру поселения и подтверждают факт изготовления орудий на месте.

Т. М. Гусенцова
(Санкт-Петербург)

О ПУТЯХ СБЛИЖЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В НЕОЛИТЕ ЛЕСНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Основными проблемами неолита лесного Приуралья остаются хронология и пути появления глиняной посуды с различными технологическими и орнаментальными приемами в изготовлении. Традиционной для этого региона считалась керамика, украшенная гребенчатым орнаментом естественного (челюсти животных) или искусственного (штампы) происхождения. Подчеркиваются развитые формы сосудов и устойчивая технология их производства. Выявленный в последние годы пласт памятников с плоскодонными сосудами, украшенными в технике накола позволяет пересмотреть существующие хронологические схемы и интерпретацию материалов.

Существенно, что обе группы керамики встречаются на памятниках, занимающих одинаковое геоморфологическое положение на первых надпойменных террасах или дюнах в поймах небольших рек. Сходны и приемы планировки поселений, состоящих из двух или нескольких жилищ-полуземлянок прямоугольной формы, с одним – двумя кострищами на полу, выступами-нишами в стенках котлована, столбовой конструкцией кровли. Неоднократно отмечены находки обеих групп керамики в закрытых жилых комплексах поселений. Очевидно, население с различной керамикой занималось одинаковой хозяйственной деятельностью – охотой и рыбной ловлей, что подтверждается местоположением памятников и чрезвычайно близким набором орудий труда. Лишь на левобережных поселениях в Среднем Поволжье найдены кости домашних животных вместе с накольчатой керамикой.

В каменной индустрии всех неолитических памятников сохраняется значительное количество орудий, изготовленных на пластинах – 28–40 % от их общего числа. Совпадают приемы первичного расщепления кремня, процент орудий с двусторонней

ретушью незначителен, одинаковы типы наконечников стрел, ножей-"ложкарей", ножей на плитках кремня и других орудий. Истоки этих традиций отчетливо прослеживаются в индустрии позднего мезолита. При этом в позднемезолитическом инвентаре не имеется каких-либо существенных различий, позволяющих выделить разные культурные компоненты.

Таким образом, наиболее яркие отличительные признаки культур обеих групп населения дает керамика. Внутри керамических групп прослеживаются хронологические изменения (ранняя и поздняя фазы). Последнее особенно важно для керамики с накольчатой орнаментацией, поскольку исключает предположение об эпизодическом появлении ее носителей в данном регионе.

Яркие следы заимствования в изготовлении посуды отмечены лишь в финальном неолите (памятники типа Кочуровское I в бассейне р. Вятки). Это относится к появлению плоскодонных сосудов с наплывом на внутренней стороне венчика, характерным для гребенчатой керамики. На этих же сосудах разреженный орнамент нанесен мелкозубчатым штампом, имитирующим орнаментальное поле накольчатой керамики. В дальнейшем элементы узора в виде зигзагов прослеживаются на раннеэнеолитической посуде новонильнского типа.

Однако, совершенно очевидно затухание традиции изготовления накольчатой керамики в конце неолита. Большинство энеолитических культур лесной зоны Приуралья содержат посуду с гребенчатой орнаментацией (гаринская, борская). Вместе с тем, в районах Нижнего Прикамья, Иско-Бельского междуречья имеются энеолитические поселения с накольчатой керамикой, встречающейся с остатками металлургической деятельности, но имеющей следы влияния более восточных соседей.

В. Т. Ковалева
(Екатеринбург)

НИЖНЕЕ ПРИТОБОЛЬЕ В ЭНЕОЛИТЕ – НАЧАЛЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ

Нижнее Притоболье занимает территорию на стыке лесной зоны и лесостепи. Основная водная магистраль – р. Tobol – пересекает степь, лесостепь и лес, а ее притоки – Исеть, Тура, Ис-

ка, Тавда и др. — соединяют горно-лесную и равнинную части Среднего Зауралья. География региона создавала условия для постоянных контактов, передвижений, миграций, ассимиляций населения различных культур и этносов.

С раннего неолита, в Нижнем Притоболье сосуществовали две линии развития: автохтонная, в определенной степени продолжающая традиции лесного мезолита, и мигрирующая из степного и лесостепного пояса Евразии. Знакомство с металлом не внесло каких-либо кардинальных изменений в жизнь зауральского населения. Сложившаяся ранее экономическая система была лишь несколько усовершенствована, а прежние стереотипы культуры несколько трансформированы.

Наиболее значительной можно считать шапкульскую культуру, продолжавшую автохтонную линию развития. Следует отметить регулярные контакты населения этой культуры с южно-уральским. В то же время здесь известны памятники липчинской культуры, основной ареал которой находился в горно-лесном районе Среднего Зауралья. Носители липчинской культуры расселялись в восточном направлении, главным образом по течению рек, смешиваясь с носителями шапкульской культуры.

В бассейнах рек Туры и Иски сформировалась андреевская культура, не имеющая генетических корней в местном неолите. Основной особенностью этой культуры являлась ямочная орнаментация керамики. Ямки — различной формы: округло-конические, ромбические, каплевидные, полулунные, которым часто на внутренней стороне сосуда соответствуют выпуклости — жемчужины. Ямки занимали большую часть орнаментального поля, располагаясь широкими горизонтальными зонами, чередующимися с поясами наклонных оттисков гребенчатого штампа или шагающей гребенки. Вместе с ямочно-гребенчатой керамикой найдены сигаровидные и цилиндрические керамические стержни, обнаружены следы металлообработки (обломки тиглей), глиняная миниатюрная антропоморфная пластика; каменных изделий немного, преобладают макроорудия.

Мной разрабатывается гипотеза о пришлом характере культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Зауралье. По-видимому, население мигрировало из центральных районов Восточной Европы, где находился основной массив культур с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамике.

Исследователи отмечают, что на рубеже IV—III тыс. до н. э. началось расселение племен с ямочно-гребенчатой керамикой на территорию Карелии, Северной Белоруссии, юга Украины, а также в восточном направлении, на территорию казанского Поволжья. Вполне вероятно, что небольшая часть населения мигрировала далее на восток в поисках более благоприятных условий. Причиной миграции могли быть ухудшение климатической обстановки и увеличение плотности населения. Возможно, в данном случае мы столкнулись с феноменом, когда оседлое лесное население Восточной Европы, жившее за счет озерного рыболовства и охоты, в критической ситуации не захотело осваивать производящие формы экономики и предпочло расселение и миграцию в отдаленные районы.

Взаимодействия разноэтничного населения в Зауралье носило, судя по всему, мирный характер. Происходил процесс обогащения культур за счет заимствования новых технологий, навыков, умений. Но процесс конвергенции охватил, главным образом, материальную культуру. В духовной сфере различия сохранялись, особенно в среде пришлого населения. По-видимому, сохранение ряда традиций, особенно сакрального комплекса, было необходимым условием консолидации и выживания в ино-родной среде. Процессы взаимоассимиляции и миграции не привели в Нижнем Притоболье к формированию какой-то единой культуры или общности, хотя тенденция эта и наметилась.

На рубеже III и II тыс. до н. э. на территорию Притоболья началась миграция групп населения с накольчатой керамикой из степного и лесостепного районов Восточной Европы. Население, видимо, индоиранское, было знакомо с производящими формами экономики (скотоводство). Продвижение нового населения в Притоболье совпадает со временем исчезновения энеолитических культур, а на их территории фиксируется новая культура начала бронзового века — ташковская. Частично энеолитическое население Нижнего Притоболья было вытеснено в более северные районы, а частично ассимилировано пришлым населением, обладавшим более высоким уровнем материальной культуры и социальной организации.

Переход к бронзовому веку в Притоболье совпадает с формированием нового типа поселения (с круговой планировкой), внедрением новых типов хозяйства (скотоводство), широким ис-

пользованием металлообработки, переходом к общине соседского типа. В духовной сфере происходят значительные изменения: формируется целостная картина мира, в основе которой лежали принципы бинарности и иерархичности.

Пришлое население заимствовало у зауральского навыки присваивающих форм хозяйства, но в социальном и духовном аспекте можно говорить о колонизации местного населения, традиции которого в ташковской культуре улавливаются в сильно трансформированном виде. Население ташковской культуры поддерживало связи с лесостепным и степным населением — уральским раннеабашевским (баланбашским). На памятниках ташковской культуры найдены в небольшом количестве тонкостенные сосуды с желобчатым орнаментом, изготовленные на шаблоне. Во многом сходна с ташковской керамика североказахстанских поселений типа Вишневка I. Каменные орудия и оружие выполнены из высококачественных пород камня с Южного Урала, контакты с которым, вероятно, были регулярными.

А. В. Шаманаев
(Екатеринбург)

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ ЭНЕОЛИТА — РАНИЕБРОНЗОВОГО ВЕКА В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Переход к энеолиту в лесостепном Зауралье был связан с существенным изменением в сырьевой базе каменных индустрий. Основным сырьем в эпоху раннего неолита был серый кремль различных оттенков. Однако, уже в позднеэнеолитических полуденских комплексах, этот вид сырья представлен в небольших количествах. Для сосновоостровской и шапкульской культур, которые В. Т. Ковалева и Н. М. Чаиркина (1991) рассматривают как наиболее ранние для энеолита этого региона, характерно использование яшм, яшмо-кварцитов, кремня другого цвета и качества и явно из других источников, чем в предыдущую эпоху. Вероятно, значительная часть сырья происходит с Южного Урала.

Крупных сдвигов в хозяйстве и образе жизни на раннем этапе энеолита не происходит, типологический и функциональный набор орудий значительных изменений не претерпевает. Переход к оседлости практически не отразился на облике каменных ин-

индустрий культур региона. В целом они имеют черты, характерные для традиционного присваивающего хозяйства. Появление новых типов изделий связано с проникновением новых групп населения и контактами с соседями и с дальнейшей эволюцией способов обработки камня, прежде всего вторичной. Появляются наконечники стрел на пластинах с боковой выемкой (кельтеминьского типа), известные, в основном, в шапкульских комплексах, что указывает на связи с югом (Ковалева 1977). В то же время, облик многих орудийных типов остается довольно архаичным, что выражается как в сохранении пластинчатого характера индустрий, так и в наличии трапешей, резцов, малом количестве двустороннеобработанных и сплошь ретушированных изделий. Однако, морфологически эти вещи несколько отличаются от характерных для поздненеолитических культур региона, что ставит под сомнение их генетические связи.

Более близка к материалам памятников местного позднего неолита, по мнению Л. А. Дерябиной (1993), индустрия личинской культуры, для которой в большей степени характерно использование шлифованных изделий и некоторый отход от пластинчатой техники, что сближает ее с поздненеолитической полуденской культурой.

Иная ситуация характерна для памятников андреевской культуры с ямочно-гребенчатым орнаментом на керамике. Появление этих комплексов в Нижнем Притоболье В. Т. Ковалева связывает с миграцией населения с запада. Переселенцы не знали источников высококачественного сырья, а возможно, местное население не давало возможности его использовать. Население андреевской культуры было вынуждено употреблять кремнистые сланцы и зеленокаменную породу, уступавшие по качеству традиционным для притобольских индустрий кремнистым породам и яшмам. Интересно, что и в такой ситуации, наблюдается тенденция к пластинчатому характеру индустрии. На памятнике Андреевское озеро-ХIII (ЮАО-ХIII) практически все немногочисленные орудия изготовлены на пластинах, среди которых встречаются широкие (до 2,4 см) и массивные (до 0,8 см). Новым явлением становятся макроорудия, напр., мотыга-кайло с поселения ЮАО-ХIII. По сравнению с материалами других энеолитических культур, количество каменных изделий на андреевских поселениях небольшое.

Переход к бронзовому веку в Нижнем Притоболье носил скачкообразный характер и связан с формированием на рубеже III–II тыс. до н. э. ташковской культуры в результате миграции раннего индонранского населения с юга и юго-запада (Ковалева, Рыжкова 1991). В условиях перехода к производящему хозяйству формируется новая стратегия добычи каменного сырья, изготовления и использования орудий. Объемы орудийных комплексов, по сравнению с энеолитом (исключая памятники андреевской культуры) уменьшаются. На поселениях, где проживали общины в 70–100 человек, найдены однотипные по составу наборы изделий из камня, включающие чуть более 100 орудий. Однако, если металлообработка была децентрализованной, то для каменной индустрии имеются данные, позволяющие говорить о становлении специализации в этой отрасли хозяйства (большое сходство изделий, однородный состав сырья в комплексах отдельных памятников, локализованные производственные площадки, связанные с обработкой камня). Стремясь сократить затраты труда и времени, связанные с камнеобработкой, ташковское население использует только яшмы и кремль высокого качества, импортированные, вероятно, из южных районов Урала. Возможно, часть сырья, предварительно обрабатывали в местах добычи и на поселения доставляли уже в подготовленном к расщеплению виде.

Шлифованные изделия традиционно изготавливали преимущественно из местной зеленокаменной породы. Для ташковских комплексов известны только шлифованные топоры и тесла. Наконечники стрел и ножи, присутствовавшие в шапкульских и липчинских индустриях, исчезают. Важным технологическим новшеством был переход к изготовлению заготовок для рубящих орудий не путем оббивки, а выпиливанием. Это изобретение в Нижнем Притоболье связывается с раннебронзовым временем.

На поселении ЮАО-ХIII найден выразительный комплекс наконечников стрел – иволлистных с черешком на пластинах, обработанных краевой ретушью, аналогичных наконечникам андреевской энеолитической культуры. Другие типы наконечников, использовавшиеся ташковским населением – подтреугольные, листовидные на отщепах и плитках – сплошь ретушированные (в том числе и косоструйной ретушью, нанесенной, по мнению Г. Ф. Коробковой, металлическим инструментом) характерны для эпохи бронзы. Возможно на раннем этапе ташковское население

тесно контактировало с посетителями андреевской культуры. Можно предположить, что эти группы, не имевшие прочных местных корней, прежде всего подвергались ассимиляции со стороны новых переселенцев, что находит подтверждение и в других элементах материальной культуры.

По мере вытеснения каменных изделий из повседневной жизни, они начинают играть более значимую роль в обрядовой практике. А наконечники стрел и ножи, изготовленные особенно тщательно и из редких по цвету пород, становятся престижными вещами, маркируя высокий социальный статус владельца.

Таким образом, с эпохой энеолита связаны технический прогресс (в основном, вторичной обработки), разнообразие приемов обработки и типов орудий, сохранение и иногда увеличение количества изделий из камня на поселениях. С эпохой ранней бронзы можно связывать начало кардинального изменения отношения человека к камню и роли каменных орудий в жизни общества, сопровождавшееся совершенствованием техники обработки на уровне специализированного производства.

Особенностью Нижнего Притоболья является сохранение пластинчатых каменных индустрий в течение длительного времени — от мезолита до эпохи ранней бронзы. Видимо, население района, бедного качественным сырьем, вынуждено было импортировать камень из южных районов и горно-лесного Зауралья. Таким путем в распоряжение притобольского населения попадали сравнительно некрупные конкреции, раскалывание которых на отщепы было нецелесообразно.

А. Д. Резепкин
(Санкт-Петербург)

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ.

1. Во второй половине 80-х — начале 90-х гг. в изучении энеолита — ранней бронзы Северного Кавказа произошел качественный сдвиг. Этому способствовали два фактора: подключение к данной проблематике ряда новых исследователей и резко возросшее количество и качество информации. Поскольку ключевой культурой в решении многих проблем является майкопская, то

на ней в основном и было сосредоточено внимание. Важным этапом в изучении майкопской культуры стал международный симпозиум, прошедший весной 1991 г. в Повороснийске и ясно показавший, как далеко ушли исследователи от традиционных представлений и хрестоматийных оценок майкопской культуры.

2. Сейчас практически все исследователи единодушны в том, что майкопской культуры, представляемой по модели Формозова-Мунчаева, не существует. Ясно, что это — нечто многокомпонентное, как в культурном, так и в хронологическом отношении (Резепкин 1989, 1991; Кореневский 1991; Нехаев 1991; Печитайло 1991; Трифонов 1991). Но все же большинство исследователей, вполне отдавая себе отчет о принадлежности разных компонентов к разным культурным блокам, как бы по инерции продолжает считать, что существует некая майкопская “культурная общность” (Гей 1991; Печитайло 1991; Трифонов 1991). Думается, что в понятие “общность” должны входить такие факторы как либо общее происхождение (из одного блока культур), либо такое взаимовлияние, которое по ведущим признакам (погребальный обряд, керамика) в значительной степени нивелировало бы их культурные различия. Ни того, ни другого ни в одной из “майкопских общностей” мы не наблюдаем.

3. Вероятно более продуктивным будет, если сами компоненты рассматривать как самостоятельные культурные общности, что уже и происходит с собственно майкопской культурой (Кореневский 1991; Нехаев 1991; Резепкин 1991, 1993). В нее следует включить бытовые и погребальные памятники с ярко выраженными “раннемайкопскими” по старой терминологии признаками. В этот круг входят памятники типа Усть-Джесгутинского и Псекупского могильников, Майкопский курган, Большеденгинское и Галюгаевские поселения.

Новосвободненская культура включает погребения с чернolощеной керамикой, где ведущими типами являются кубок и миска (ранний этап) и те памятники, которые ранее относились ко второму (новосвободненскому) этапу (Резепкин 1989).

Поселения типа Мешоко-Ясенева Поляна вместе с поселениями Свободное и Замок А. А. Нехаев (1988, 1991) предложил выделить из майкопской культуры в самостоятельную группу домайкопских энеолитических поселений. Разделяя мысль о немайкопском характере данных памятников, считаю необходимым до-

бавить, что “жемчужный” орнамент на керамике из этих поселений, на основании которого, в основном, они и были (по аналогии с орнаментом на сосудах из гробниц Новосвободной) причислены ко второму (новосвободненскому) этапу майкопской культуры (Формозов 1965), выполнен в технике наколов изнутри, тогда как весь орнамент на сосудах новосвободненской культуры – паленной. Отнесение в ту же группу памятников типа Мысхако вполне оправдано (Гей 1991). Памятники этого круга связаны со степными поселениями и погребениями (Нехаев 1991) и имеют не закавказское происхождение как представлялось ранее (Резепкин 1991), а степное. В итоге вместо одной “майкопской культуры” мы имеем три различных культуры, которые по своему сложному составу сами могут рассматриваться как общности.

4. В последние годы получен ряд радиоуглеродных дат по трем вышеописанным культурам. Даты некалиброваны. По майкопской культуре определены даты для пос. Галюгай I – 2530 ± 70 до н. э., 2650 ± 80 до н. э., Галюгай II – 2980 ± 120 до н. э. (Кореневский 1992). По новосвободненской культуре даты получены в лаборатории Оксфордского университета:

ОхА-5058. Клады, к. 11, п. 43 – 4675 ± 70 (2680 ± 70 до н. э.)
ОхА-5059. Клады, к. 11, п. 50 – 4835 ± 60 (2840 ± 60 до н. э.)
ОхА-5060. Клады, к. 11, п. 48 – 4665 ± 60 (2670 ± 60 до н. э.)
ОхА-5061. Клады, к. 11, п. 55 – 4765 ± 65 (2770 ± 65 до н. э.).
Все четыре даты относятся к раннему этапу новосвободненской культуры.

Несколько дат получены и в ИИМК РАН:

ЛЕ-4536. Клады, к. 11, п. 3 – 5310 ± 160 (3315 ± 160 до н. э.) – ранний этап. ЛЕ-4528. Клады, к. 30, п. 1 – 4620 ± 40 (2625 ± 40 до н. э.) – поздний этап. ЛЕ-4529. Клады, к. 29, п. 1 – 4960 ± 120 (2965 ± 120 до н. э.) – поздний этап,

Погр. № 50 по прямой стратиграфии перекрывается погр. № 48, по полученной дате являющимся также более поздним.

Примечательно, что даты пос. Галюгай I и II и по “Кладам” были получены в одной лаборатории и на аналогичном материале (кость). Согласно данным, все ранние новосвободненские погребения укладываются между датами Галюгай I и II, т. е. они синхронны раннему этапу майкопской культуры. Несколько особняком стоит дата ранненосвободненского погребения в “Кладах” (к. 11, п. 3), полученная в лаборатории ИИМК ($3315 \pm$

160 до н. э.). Одна из дат, относящаяся к поздненовосвободненскому погребению (к. 29, п. 1) оказалась древнее, чем даты ранненовосвободненских погребений, полученные в Оксфорде.

По памятникам энеолита Северо-Западного Кавказа для поселения Свободное в лаборатории ИИМК РАН также получены две даты:

ЛЕ-4531 – 5400 ± 250 (3405 ± 250 до н. э.),

ЛЕ-4532 – 5475 ± 100 (3480 ± 100 до н. э.)

Таким образом, самые ранние даты получены для поселения Свободное. Учитывая то, что лаборатория ИИМК дала более ранние даты и для новосвободненской культуры, их трудно соотнести со всеми датами, полученными в Оксфорде.

М. Б. Рысин
(Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЯХ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА КАВКАЗЕ

Многие исследователи считали, что Кавказ в эпоху палеометалла оказывал решающее воздействие на формирование культур степной зоны Юго-Восточной Европы. В частности, гипотезу о происхождении катакомбной культуры от культуры строителей дольменов Западного Кавказа (КСД) наиболее последовательно отстаивал В. Я. Княшко, опирающийся на параллели в конструкции погребальных сооружений и детали обрядов, т. е. на те данные, которыми, в основном, и ограничивались сведения о КСД.

Изучение поселений на Западном Кавказе и, в первую очередь, многослойного поселения Старчики, позволило сопоставить массовые материалы кавказских и степных культур, их стратифицированные керамические комплексы. В результате было установлено, что: 1) материалы раннего этапа КСД находят многочисленные параллели в керамике предкатакомбного (новотиторовская группа) и раннекатакомбного времени в Приазовье, Прикубанье и Центральном Предкавказье; 2) материалы поздних этапов КСД обнаруживают близкие соответствия в керамике развитого и позднего этапов предкавказской катакомбной культуры и т. н. северокавказской культуры; 3) наблюдается сходство в направлении и темпах эволюции сопоставленных керамических

комплексов. Объяснение для наблюдаемого явления было предложено в рамках концепции блоков археологических культур В. С. Бочкарева. Поскольку гипотеза о родстве КСД и катакомбной культуры впервые была обоснована параллелями в конструкции погребальных сооружений, выявленной общности дано рабочее название "блок культур склеповых погребений" (Рысин 1991).

Анализируя южные связи керамического комплекса КСД мы также обратили внимание на его соответствия в керамике культуры ранних курганов Закавказья. Неоднократно отмечаемое исследователями сходство погребальных обрядов курганных культур по обеим сторонам кавказского хребта объяснялось миграциями населения в эпоху бронзы. Увидев за сходством керамики и обрядов погребения не только транскавказские связи, но и генетическое родство культур, мы предложили для описания этого явления термин "горизонт темнолощеной керамики начала средней бронзы" (Рысин 1993). В последние годы совершенно независимо к подобной мысли пришли И. Г. Нариманов и Т. И. Ахундов, выделившие на материалах Азербайджана культуру подкурганных склепов, входящую в "транскавказский блок культур подвижных скотоводов" (1994).

Анализ закавказских памятников эпохи бронзы показывает, что склеповые погребения были распространены не только на территории современного Азербайджана (Степанакерт, Османбозу, Тельманкенд и т. п.), но и в западном и в центральном Закавказье — Шида-Картли, Кахетии, Месхет-Джавахетии, Абхазии. Часть памятников этого типа была датирована III тыс. до н. э., что позволяло обосновывать приоритет Южного Кавказа в освоении традиции склеповых погребений. Так, склеповое погребение в Кахетии (Зейани, курган 2) было отнесено к эпохе ранней бронзы на основании "арханзма" обнаруженной здесь керамики. В действительности, сосуды из Зейани вполне сопоставимы с посудой из памятников, включенных нами в "горизонт темнолощеной керамики начала средней бронзы". В Закавказье близкая керамика представлена в погребениях Шулавери, Марткопи, Георгминда и т. п.

Пересмотр датировки склепа в Зейани позволяет отвергнуть приоритет южнокавказских культур в использовании склеповых погребений. Не доказывает такой приоритет в отношении Северо-Восточного Кавказа и обнаружение куроаракской керамики в

одной из катакомб Великентского могильника в Дагестане. С одной стороны, учитывая близость конструкции катакомб, деталей обряда и общую планиграфию могильника, нет веских оснований для удревления катакомбы № 8 по сравнению с другими погребальными сооружениями этого могильника. С другой стороны, обнаружение куроаракской посуды в других катакомбах вместе с беденской позволяет предполагать, что сооружение катакомбы № 8 (как и наиболее древних склепов в Закавказье) относится к периоду РБ-III по схеме К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубиншвили. Этот период характеризуется сосуществованием поздних куроаракских памятников с комплексами ранних курганов Закавказья, что было подтверждено обнаружением куроаракской и алазано-беденской керамики в одном горизонте поселения Нацаггора (Рамнишвили 1991).

Таким образом, начало эпохи средней бронзы на Южном Кавказе, отмеченное рядом новаций в металлообработке, керамическом производстве, а также распространением склеповой и курганной традиции в погребальном обряде, можно относить к периоду РБ-III, к началу второй половины III тыс. до н. э., что соответствует тенденции к удревлению культур эпохи бронзы Северного Кавказа и степной зоны Юго-Восточной Европы.

Погребальный обряд культур со склеповыми погребениями эпохи средней бронзы объединяет ряд признаков: использование подпрямоугольных и круглых в плане сооружений из камня, дерева, камыша и грунта, углубленных, либо возведенных на древней поверхности; обеспечение доступа в камеру коридором, шахтой, дромосом и лазом в стене или в перекрытии; стремление изолировать тела от земли каменными плитами, галечной подсыпкой, слоем глины и т. п.; использование огня в ритуале — костры в камере и на перекрытии, угли в жаровнях и курильницах, частичное трупосожжение. Часто ярусы захоронений изолированы грунтом, галькой и пластичной глиной. Наиболее распространено скорченное на боку положение погребенных, но представлена и полиобрядность (вытянутое на спине, скорченное на боку, сидчее и вторичное погребения). Сопровождающий инвентарь на раннем этапе состоит из керамики и украшений. Повсеместно отмечено (количественно незначительное) присутствие символов особого статуса погребенных: ножи, топоры, булавы, стрелы, золотые и серебряные украшения, повозки и т. п.

Сходство погребальных обрядов и комплексов керамики ряда кавказских и степных культур эпохи средней бронзы можно объяснить сочетанием нескольких факторов: конвергентное обращение к идее склепового погребального обряда; межкультурные контакты (в том числе, диффузия отдельных групп населения); генетическое родство в рамках транскавказского блока “культур с темной обожженной керамикой”, “культур со склеповыми погребениями” или “культур подвижных скотоводов”. Только признание общности в рамках блока культур позволяет объяснить совпадение эволюции керамических комплексов рассматриваемых культур. Это переход от относительного единства начала средней бронзы к дивергенции и мозаике культур периода расцвета средней бронзы и к унификации культур в финале средней бронзы.

**К. Х. Купнарева
(Санкт-Петербург)**

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ФИНАЛЬНОГО ЭТАПА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ И ПЕРЕХОДА К ПОЗДНЕЙ БРОНЗЕ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Обращение к общекавказской исторической проблематике, предпринятое нами в недавно вышедшей монографии, а также в очередном томе “Археологии” (ранее “Археология СССР”), посвященном бронзовому веку Кавказа, с особой четкостью высветило наиболее актуальные проблемы кавказской археологии. Перешенность многих из них объясняется, прежде всего, той традицией, которая десятилетиями складывалась в среде археологов-кавказоведов. Это локальный характер исследований, замыкающихся, как правило, современными административными границами республик (ныне государств); а отсюда отсутствие, за редким исключением, выхода на общерегиональные исторические разработки. Природные особенности Кавказа (преобладание горных массивов с истоками водных артерий, тесно связанных с плодородными межгорными равнинами), его расположение на стыке двух культурных миров — Европы и Передней Азии и, наконец, историческая роль Кавказа как одного из первичных очагов зарождения и развития производящего хозяйства предопределяют необходимость иного подхода к этому региону. С учетом сказанного и с привлечением огромного материала древний Кав-

каз, по сути дела впервые, воссоздан не как средоточие памятников и отдельных култур, а как множественное целое, единый и неделимый регион, один из древних самостоятельных очагов зарождения и дальнейшего прогресса земледелия и скотоводства, центр блестящего и самобытного металлопроизводства, прошедший сложный и своеобразный путь развития в тесном взаимодействии с окружающим миром (Купинарева 1986, 1993, 1994).

В последние десятилетия, в связи со значительным расширением источниковой базы, наряду со многими важнейшими проблемами, с особой остротой выявилась необходимость типологической систематизации и стратиграфической реконструкции накопленных материалов. Конечная цель такого исследования – выход на постановку и решение проблемы хронологии и периодизации памятников в масштабе всего южнокавказского региона. Хронологические разработки являются основополагающей частью систематизации массового материала, объединяющей его в устойчивые блоки. К сожалению типология (с выходом на хронологию) на Кавказе разработана слабо. В первую очередь, должна быть воссоздана относительная хронология. Абсолютные же датировки будут определяться точно датированными изделиями или комплексами, либо методами абсолютного датирования, лежащими вне археологического анализа. Сегодня это одна из актуальных проблем кавказской археологии.

Сказанное, в первую очередь, относится к памятникам бронзового века Кавказа. Эпоха бронзы длилась по крайней мере около двух тысячелетий. В литературе предлагались различные локальные периодизационные схемы. На протяжении последних десятилетий они подвергались неоднократным корректировкам. В настоящее время традиционную трехчленную схему эпохи бронзы (ранняя, средняя, поздняя) для Кавказа (как и для прилегающих к нему с Юга и Севера территорий, что облегчает проблему сопоставлений и связей) следует считать устоявшейся.

Ознакомление с состоянием проблемы хронологии и периодизации древних памятников Южного Кавказа наглядно обозначило его наиболее “узкие места”. И, если основные этапы бронзового века в крупных областях региона уже сегодня могут быть охарактеризованы на базе достаточно четких признаков, то признаки переходных между ними периодов остаются все еще слабо выявленными. Такое положение вещей тормозит решение проб-

лемы культурно-хронологической преемственности памятников и, в конечном итоге, характера исторического процесса, протекавшего в регионе.

Следует также отметить, что среди основных этапов бронзового века наиболее сложной оказалась культурно-хронологическая атрибуция памятников периода средней бронзы. Базируясь на ключевых материалах курганов Триалети, впервые открывших для Кавказа эту блестящую эпоху, исследователи выдвигали различные схемы их последовательности (Куфтин, Гогодзе, Джанаридзе и др.).

Эти же ученые разошлись в хронологической оценке уникальных триалетских комплексов; среди них были приверженцы как "короткой", так и "длинной" хронологии. К началу 80-х годов в связи с накоплением в масштабах Южного Кавказа огромного материала по среднебронзовому периоду, имеющаяся его культурно-хронологическая атрибуция оказалась явно недостаточной для толкования разнохарактерности последнего; существовавшие тогда понятия "триалетская" и "западногрузинская" культуры, имевшие узко территориальные привязки, явно не охватывали многообразия материала среднебронзового периода, выявленного на территории всего региона: стало очевидным, что ключ к этому явлению следует искать в существовании локальных культур и групп памятников, каждая из которых наделена специфическими признаками.

Такая работа в первом приближении была проделана нами в середине 80-х годов. На основе типологического сопоставления артефактов и картографирования однотипных и разнотипных памятников первоначально были выделены еще три родственные культуры: кармир-бердская, севано-узерликская, кизил-ванская или кармир-ванская (Кушнарева 1982, 1983, 1986). В то время в нашем распоряжении находился сравнительно небольшой, преимущественно керамический материал, на базе которого были определены границы и время бытования культур. Тогда же была намечена хронологическая оценка названных культурных подразделений: кармир-бердская – XX–XVIII вв. до н. э., севано-узерликская – XVIII–XVII вв. до н. э. и триалетская, на позднем ("кириваканском") этапе – XVI–XV вв. до н. э.

Позднее источниковая база значительно пополнилась в первую очередь материалами из могильника Верин Навер в Арарат-

ской долине (Симонян 1982, 1984, 1987). Новые материалы окончательно подтвердили правильность наших суждений относительно характера и границ бытования кармир-бердской культуры, увеличилось количество признаков, определяющих облик культуры и др. Были также внесены дополнительные коррективы в первоначальную трактовку других культур эпохи средней бронзы Закавказья. Так, севано-узерликские комплексы мы предложили трактовать не как культуру, а как группу однородных памятников, появившихся в последний период бытования кармир-бердской культуры, возможно как ее финальный этап (Кушнарева 1993, 1994). Учет новых, не привлекавшихся ранее, материалов позволил также значительно раздвинуть границы триалетской культуры на ее позднем ("кировкаканском") этапе (Кушнарева 1992, 1993, 1994).

В последнее время появилась необходимость вновь вернуться к проблеме периодизации названных культур. Это связано с открытием в южных районах Закавказья серии погребений переходного от средней к поздней бронзе периода, в которых зафиксирована неизвестная ранее встречаемость признаков этих двух периодов, а также некоторые артефакты, бытовавшие только в этот, сравнительно короткий, отрезок времени. Этой проблеме в наших предшествующих работах внимание не уделялось.

Обращаясь к названной проблеме, мы исходили из того, что признаки памятников переходных этапов между археологическими веками не могли быть одинаковыми для всего кавказского региона, ибо в разных его областях сосуществовали различные (часто родственные) культуры, оставившие разнотипные памятники; поэтому выработывая критерии переходных этапов, следует прежде всего исходить из ведущих признаков предшествующих и последующих культур, бытовавших в той или иной области. Вместе с тем, нельзя не учитывать близости и постоянного взаимодействия существовавших одновременно культур и вытекающих отсюда общих тенденций культурного развития в таком компактном регионе как Закавказье; поэтому в некоторых случаях эти признаки должны совпадать.

В Центральном Закавказье, где подосновой переходного от средней к поздней бронзе периода считается триалетская культура, признаки периода были выделены преимущественно на материалах таких погребальных комплексов как Земо Бодбе, Паома-

ригора, Брима-цкали, Намгаламисеби, Трелнеби (Абрамишвили и др. 1974, 1978; Пицхелаури 1979; Пицхелаури, Менабде 1982), а также на данных стратифицированного поселения Алазанской долины Чалинхези А (Пицхелаури 1979). Таким образом, в 70-е гг. в Центральном Закавказье была установлена преемственность в развитии материальной культуры от средней к поздней бронзе и, тем самым, снят вопрос о крупных этнических передвижениях в этот период. Исследования строились преимущественно на традиционных мотивах декора керамики (сетчатые фризы, узоры, нанесенные гребенчатым штампом и лощением). Совершенно новым признаком оказались серо- и чернолощенные сосуды, расписанные после обжига белой и красной пастообразной краской, которые отсутствуют в комплексах предшествующего и последующего времени.

Вопрос о критериях памятников этого периода в южных областях Закавказья впервые был поднят совсем недавно (Арешян и др. 1990). Наше исследование является дальнейшей разработкой этой проблемы. В последние годы на территории Армении выявлен ряд закрытых комплексов позднебронзового века с артефактами, характерными для средней бронзы (Ширакаван, Лчашен, Имрице-гора, Гехарот, Цахкаландж, Таллин и др.; Арешян и др. 1990; Мартirosян 1964; Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции 1975), а также комплексы среднебронзового века с элементами поздней бронзы (Кети, Арич, Лчашен, Цахкаландж, Ирганчай; Арешян и др. 1990; Петросян 1989; Хачатрян 1975; Полевые археологические исследования, Тбилиси, 1991). Основным материалом для сопоставлений послужила керамика — наглядно прослеживается смена технологии ее изготовления и орнаментации. Эти комплексы бесспорно характеризуют короткий отрезок времени — финальный этап среднебронзового века и начало позднебронзового. Любопытно и то, что именно в названных комплексах появляются (а позднее исчезают) некоторые типы посуды, которые следует трактовать в качестве индикаторов переходного периода. К ним, в первую очередь, относятся внезапно появившиеся идентичные (по технологии орнаментации) с центральнозакавказскими сосуды с белой и красной пастовой росписью, нанесенной после обжига (Лори Берд, Карашамб, Шамирам, Ширакаван; Девяджян 1982; Овянесян и др. 1986; Арешян 1983; Арешян и др. 1990). К этой же серии инди-

каторов относятся вазы на полых ножках, также встречающиеся в Центральном Закавказье и восходящие по форме к бронзовой вазе из триалетского кургана XV (Лори Берд, Карашамб, Артик). Характерным элементом рассматриваемых комплексов являются крупные двуструбные сосуды и глиняные “ящички” со сквозными треугольными и круглыми “окошечками” (Лчашен, Лори-Берд, Карашамб; Девяджян 1982; Арешян и др. 1990), а также горшки с клиновидным тисненым орнаментом (Артик; Хачатрян 1979) и сосуды в форме “индийского ореха” (Лори Берд, Карашамб, Лчашен; Девяджян 1982; Арешян и др. 1990). В этот же период внезапно появляется раскраска (затертость) красной и белой пастой традиционного для средней бронзы орнамента, выполненного “шагающей гребенкой”; в эпоху поздней бронзы этот технологический прием орнаментации полностью исчезает.

При анализе сосудов среднебронзового периода в перечисленных закрытых комплексах южных областей Закавказья однозначно устанавливается их принадлежность к кармир-бердской культуре. Это преимущественно красноангобированные горшки и кувшины с черной росписью в виде характерных фризов, заполненных традиционными “бабочками”, сетчатыми и “шахматными” полями, гирляндами свисающих волют, а также чернолощенные сосуды с гребенчатым орнаментом. Ни одного сосуда, характеризующего какую-либо иную среднебронзовую культуру, бытовавшую в этой области региона, в названных погребениях не встречено. В этих же погребениях с ними существуют сосуды, принадлежность которых к позднебронзовой эпохе не вызывает сомнений. Это, как правило, не схожие с только что описанными крупные “кухонные” горшки с шероховатой поверхностью, “ногтевым”, “семечковидным” или зигзагообразным орнаментом, либо лощеные небольшие сосуды с “ломаной” профилировкой. На них отсутствует цветной ангоб и какие-либо признаки росписи.

Суммируя сказанное, следует подчеркнуть следующее:

1. Представление о кармир-бердской культуре как о самой ранней культуре эпохи средней бронзы в южных областях Закавказья в свете приведенных данных является ошибочным; опираясь на материалы погребений переходного этапа, кармир-бердскую культуру следует считать непосредственно предшествующей эпохе поздней бронзы.

2. Сделанное заключение побуждает к началу пересмотра внутренней хронологии кавказских культур эпохи средней бронзы (Арешян и др. 1990).

3. Переходный период характеризуется сменой технологии изготовления керамики, которая приводит к массовому выпуску посуды нового типа.

4. Спецификой комплексов переходного периода является отсутствие синкретических форм посуды, в которой сочетались бы особенности гончарного производства предшествующей и последующей эпох.

5. В этот же сравнительно короткий отрезок времени появляются и вскоре исчезают новые формы посуды (сосуды с двуцветной пастовой росписью после обжига, вазы на полых ножках, двуструбные "курильницы" с прорезями), а также новые приемы орнаментации (затертость гребенчатого штампа белой и красной пастой, тисненные улитышки, узорчатое лощение). Эти признаки в дальнейшем могут служить индикаторами рассматриваемого короткого промежутка времени.

Датировка промежуточных комплексов определяется не только представленным сочетанием артефактов. В нескольких названных погребениях находились такие датирующие изделия переднеазиатского происхождения как хурри-митаннийские печати (Артик, Шамирам; Хачатрян 1977; Арешян-1983; Арешян и др. 1990), пастовые бусы-разъединители (Арич, Артик, Ирганчай и др.; Хачатрян 1975, 1977), мечи с рамочной рукоятью (Артик), что позволяет комплексы, возникшие на стыке двух археологических веков, датировать XV-XIV вв до н. э.

Н. Б. Виноградов
(Челябинск)

ЮЖНЫЕ МОТИВЫ В КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Масштабные исследования памятников эпохи бронзы, произведенные за последние два десятилетия в степях Южного Зауралья и в сопредельных районах Казахстана, сделали для большинства специалистов очевидным тезис о невозможности объяснения процессов формирования, развития и смены местных

культур, исходя только из их внутреннего саморазвития или с привлечением к анализу лишь широтных связей.

Вопрос о южных связях степных казахстанских и южно-уральских культур бронзового века поднимался неоднократно (Е. Е. Кузьмина, Г. Б. Зданович, Т. С. Малютина и др.). Однако небольшая источниковая база и недостаточная разработанность на теоретическом уровне механизмов взаимодействия степных обществ этой эпохи как между собой, так и с земледельцами Средней Азии, породили и различные выводы. Г. Б. Зданович считает возможным говорить о влиянии южных земледельческих культур на формирование выделяемой им петровской культуры. Е. Е. Кузьмина определяет контакты северо-степных скотоводов с земледельцами Средней Азии как спорадические, апеллируя к малочисленности прямых свидетельств об этих контактах (керамика, бирюзовые и лазуритовые бусы).

В Южном Зауралье до недавнего времени материалы, имеющие прямое отношение к обсуждаемому вопросу, ограничивались находками каменных бус в Синташтинском могильнике (Е. Е. Кузьмина). Работы экспедиции Челябинского пединститута позволили несколько удлинить этот ряд. При исследовании слоя петровской культуры на укрепленном поселении Устье-1 (север Караталинского р-на Челябинской обл.) из колодца в помещении № 3 (участок Ф/24) был извлечен крупный фрагмент керамической тарелки на невысоком поддоне. Диаметр 24 см, максимальная глубина полости до 4 см. Тарелка ручной лепки, толстостенная, с хорошо заглаженными поверхностями, без орнамента. На внутренней поверхности красноватые пятна. Еще один обломок от этой тарелки был найден вне колодца на соседнем участке. находка эта уникальна. Подобная форма нехарактерна для гончарства петровской культуры, представленного горшечно-баночными и баночными формами. Объяснение появления описанной находки в керамическом комплексе может быть различным. С одной стороны, эту находку можно расценить как выполненную вручную реплику кругового сосуда; тогда исходные формы следует искать далеко на юге, в Средней Азии. С другой стороны, находку можно расценить как местную новацию, обусловленную функциональным назначением сосуда.

Второй пример более определен. Он связан с исследованием алакульского в своей основе могильника Кулевчи-6 на вос-

токе Варненского р-на Челябинской обл. Здесь, при изучении алакульско-федоровского комплекса ям №№ 29 и 30 с остатками обряда кремации и сгоревших надгробных конструкций были обнаружены по два сосуда: крупный горшечно-баночный сосуд и глубокая миска. Горшки по всем параметрам типичны для алакульско-федоровского времени в Южном Зауралье. Этого нельзя сказать о мисках. Их диаметр по верхнему краю — до 26 см, внутренняя глубина — до 9 см. Черепок краснокирпичного цвета. В пористом тесте — крупный песок. Обе миски тонкостенные, но явно ручной формовки. Описанный тип керамики не имеет ничего общего с местной гончарной традицией и рассматривается как лепная реплика круговой среднеазиатской продукции времени Намазга VI (А. Аскарлов)

Исследование алексеевского поселения Кинжитай (восток Варненского р-на) дало небольшую коллекцию керамики с пола обширного полуподземного жилища № 1. В абсолютном большинстве это традиционные для алексеевской культуры типы сосудов. Среди них особняком смотрится сосуд ручной лепки средних размеров, с плавной профилировкой, сильно выпуклым туловом и небольшим дном. Его наружная поверхность лишена орнамента, аккуратно заглажена и, скорее всего, ангобирована. Местные корни этой формы вряд ли возможны. Близкие по форме сосуды имеются в памятниках переходного от бронзового к раннему железному веку в Южном Приаралье (Б. И. Вайнберг). Единичные схожие формы известны и в алексеевских памятниках Верхнего и Среднего Притоболья (О. А. Кривцова-Гракова, Т. М. Потемкина).

Приведенные выше факты безусловно нуждаются в дополнительной обработке и осмыслении. Но несколько предварительных выводов на уровне рабочих гипотез можно сделать.

1. Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы рассматриваемого района пока единичны и представлены лепными репликами среднеазиатской круговой керамики.

2. Связи южно-уральского степного населения этой эпохи с районом Средней Азии осуществлялись опосредованно, через массив родственных скотоводческих культур степей Казахстана.

3. Для алакульско-федоровского времени, учитывая и многие другие свидетельства, вполне возможно говорить о физическом появлении в Южном Зауралье групп казахстанского степного

населения. Именно в это время прежде достаточно однородный керамический комплекс разделяется на бытовую и ритуальную посуду. Этот вопрос уже прошел обсуждение (Г. Б. Зданович). Миски из Кулевчей должны рассматриваться как форма ритуальной керамики. Истоки этой традиции необходимо искать с одной стороны, в развитии племен скотоводов степей Казахстана и Южного Зауралья в одном и том же направлении; с другой стороны — в разной скорости этого процесса. Последнее может быть объяснено не только природными условиями, но и разными уровнями контактов с земледельческими районами Средней Азии, где разделение керамики на функциональные группы произошло гораздо раньше.

4. Кинжитайскую находку пока вряд ли целесообразно комментировать, поскольку финал бронзового века в Южном Зауралье изучен фрагментарно. Однако, уже в начале раннего железного века, по мнению А. Д. Таирова, номады Южного Зауралья были неотъемлемой частью сакского мира, а со второй половины I тыс. до н. э. Южное Зауралье и район Средней Азии уже были связаны караванными путями.

В. В. Филиппченко
(Саратов)

МОЗАИКА КУЛЬТУР ВОЛГО-ДОНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Степное Заволжье эпохи средней бронзы ярко иллюстрирует сложность культурных процессов, происходящих в пограничных зонах степи и лесостепи. Этот регион, представляющий собой мощный очаг культуругенеза породил такое яркое явление как нижневолжская полтавкинская культура, ставшая впоследствии базовой при выделении полтавкинской КИО. Основным критерием родства культур, составляющих общность, стала керамика и второстепенным — погребальный обряд. Нижневолжская полтавкинская культура, занимавшая степное левобережье Волги, оказала решающее воздействие на оформление средневолжской (лесостепной), приуральской (степной) и прикаспийской (полупустынной) полтавкинских культур. Естественной западной границей общности считалась Волга, по которой обозначилась зона

взаимодействия с катакомбным миром. Основой же полтавкинской КИО является предшествующая ей ямная культура.

Однако, накопленные за последнее десятилетие артефакты и их осмысление заставляют внести ряд корректив в "полтавкинскую" концепцию средней бронзы Заволжья. На материале степного Заволжья была выделена волго-донская культура-дериват, сформировавшаяся на местной "ямной" основе под влиянием донецкой катакомбной культуры. Отголоски этого влияния прослежены на территории всего Волго-Уральского междуречья.

Исследователи средней бронзы Приуралья сочли нецелесообразным выделение там полтавкинской культуры, считая, что в эпоху средней бронзы в Приуралье население полностью продолжило традиции ямной культуры. Предполагается (и небезосновательно), что большинство комплексов степной нижневолжской полтавкинской культуры также тяготеет к родственным приуральским, объединяясь с ними в рамках одной культурной группы степных районов Волго-Донского междуречья. Влияние катакомбной культуры в этом регионе не прослежено. Поэтому нижневолжскими полтавкинскими считают лишь памятники (они весьма малочисленны), находящиеся непосредственно в волжском бассейне. В целом, рассматриваемые выше концепции показывают наличие в степном Заволжье самостоятельного культурного образования, хотя его происхождение, связи и ареал распространения трактуют по-разному.

Некоторую ясность в решение этих вопросов внесло выделение в правобережных (лесостепных) районах катакомбной группы памятников. Сравнительный анализ показывает большой коэффициент сходства их с заволжскими памятниками бассейна Волги и меньший — с памятниками более отдаленной степи на востоке; на западе ощущается близость названных памятников со среднедонской катакомбной культурой (лесостепной), что, очевидно, связано с единой основой их сложения.

В развитие идеи Волго-Донской катакомбной культуры логично предположить наличие лесостепной катакомбной провинции (области). В ее состав можно включить левобережные среднедонские катакомбные памятники, правобережную поволжскую катакомбную и заволжскую группы (в непосредственной близости от Волги). Различия внутри провинции, обусловлены кон-

тактами с разными культурами степного катакомбного круга на западе и юге и позднейшего — на востоке, в степях Приуралья.

Ю. П. Матвеев, А. Д. Пряхин
(Воронеж)

ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНОВ-КОЛЕСНИЧИХ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ДОНО-ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Выявление в последние два десятилетия значительной серии захоронений воинов-колесничих конца средней — начала поздней бронзы с богатым разнообразным инвентарем, включая псални, дало возможности для новой разработки вопросов периодизации, синхронизации и сопоставления археологических памятников и культур обширного региона степной и лесостепной зон Евразии. Основой такой работы являются хорошо стратифицированные памятники. К настоящему времени наибольшее число стратифицированных курганов с захоронениями воинов-колесничих выявлено в лесостепном Подонье, в то время как в Волжско-Уральском районе такие захоронения в лучшем случае единичны.

Наиболее ранним комплексом, содержащим свидетельства колесничной упряжи (шип от псалия) является погр. 2 Введенского кургана на территории Липецкой области. Его стратиграфическая позиция определяется "снизу" погр. 6 с достаточно архаичной абашевской, даже "протоабашевской" керамикой и столь же архаичным наконечником стрелы. Этому погребению скорее всего хронологически близки наиболее ранние рядовые захоронения Подклетенского могильника и Частых курганов. Сопоставимый керамический материал происходит из более глубоких районов лесостепи. В самых общих чертах такого рода памятники могут быть отнесены к раннему этапу доно-волжской абашевской культуры. Особо отметим, что в настоящее время нельзя с уверенностью назвать какие-либо синхронные им абашевские памятники в Среднем Поволжье и в Приуралье.

Материалы погр. 2 Введенского кургана сопоставимы с отдельными захоронениями Филатовского кургана (Липецкая обл.), сопровождавшимися орнаментированными щитковыми псалнями, вставные шипы которых крепились с помощью шпильки.

Эти погребения лесостепного Подонья скорее всего не образуют самостоятельного хронологического пласта, но занимают одну из нижних позиций в довольно большой группе захоронений воинско-колесничных, относящихся уже к развитому этапу доно-волжской абашевской культуры. В эту группу входят также погребения из Новой Усмани, Богоявленского, Власовки, Софьино, Кондрашевки (Воронежская обл.), Ст. Юрьево, Пичаево, Селезневки (Тамбовская обл.) Их хронологическое соотношение устанавливается пока лишь в самых общих чертах, с учетом всего комплекса материалов, стратиграфии и синхронизации с рядовыми однокультурными погребениями. Отметим, что отдельно взятые показатели — такие, как, например, положение и ориентировка умерших — не могут быть признаны в качестве ведущего критерия хронологических определений.

Среди вещевого комплекса, происходящего из ранних погребений данного хронологического пласта имеются предметы, позволяющие синхронизировать их с памятниками финала местной среднедонской катакомбной культуры, воронежской культуры, довольно ранними памятниками КМК. Особо следует обратить внимание на костяные пряжки, встреченные в большинстве колесничных (как впрочем и других) воинских погребений доно-волжской абашевской культуры. Воинские погребения не только свидетельствуют о ее контакте с КМК, но и служат определенным хронологическим индикатором. Кроме того, постепенное вымывание названной категории инвентаря из абашевских погребений в направлении с запада на восток выявляет и направление распространения традиции.

Присутствие в материалах стратифицированных колесничных захоронений из Власовского и Филатовского курганов (как и в рядовых погребениях Подклетненского могильника) керамики с уральскими и средневолжскими абашевскими чертами, а также псалнев, лопаточек и пряжек позволяет говорить о синхронности названных погребений колесничным и воинским погребениям Волго-Уралья (Пепкинский курган, Утевка, Потаповка, Синташта, Тавлыкаево и др.). Учитывая, что Пепкинский курган считается одним из наиболее ранних памятников Среднего Поволжья, становится ясным и общее хронологическое соотношение доно-волжской, средневолжской и уральской абашевской культур.

Синхронизация указанных комплексов лесостепного Подонья и Волго-Уралья позволяет констатировать факт независимого развития в абашевском мире двух традиций изготовления псалнев: орнаментированных со вставными шпями староюрьевского типа (лесостепное Подонье и Правобережье Волги) и неорнаментированных, чаще с монолитными шпями (восточные территории).

Верхняя стратиграфическая позиция захоронений воинов-колесничих лесостепного Подонья в настоящее время маркируется захоронениями типа погр. 1 Кондрашкинского кургана, которое было совершено позднее погр. 2 (финал среднедонской катакомбной культуры), но ранее погр. 3 (срубная культура). Основным хронологическим показателем служит сосуд позднеабашевского (покровского) типа. Несколько более поздним, чем топоры отливавшиеся в формах из Пепкинского и Кондрашевского курганов, представляется и топор из Кондрашкинского кургана. Весь же остальной инвентарь, включая псални из рассматриваемого погребения, полностью укладывается в рамки абашевской традиции. Это можно сказать и о материалах Красносельского кургана в Поволжье, где лишь керамика служит индикатором "покровской" принадлежности. К тому же пласту относятся серия воинских и иных престижных захоронений Волго-Донья, включая захоронения самих Покровских курганов.

В Волго-Уральском регионе в отличие от Подонья не выявлены абашевские комплексы, предшествующие пласту захоронений воинов-колесничих. Приведенные данные свидетельствуют о невозможности распространения носителей абашевских и, тем более, "покровских" традиций с востока на запад.

В. И. Беседин, А. Д. Пряхин
(Воронеж)

МИНИАТЮРНЫЕ ОСТРОРЕБЕРНЫЕ СОСУДЫ В СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ АБАШЕВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

В литературе, посвященной проблемам эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи активно дискутируется вопрос о роли различных культурно-исторических образований в сложении культур и общностей поздней бронзы. Если во второй половине 70-х и 80-х гг. большинство исследователей обращалось прежде

всего к абашевским древностям, то в последнее время, с открытием и изучением на Урале памятников типа Сниташты и Арканма, а в Поволжье — памятников типа Шотаповки, все более отчетливо звучит мысль о ведущей роли уральского очага культурогенеза, сопровождающаяся сужением понятия “абашевская культурно-историческая общность” с параллельным рождением все новых “культур” и “типов памятников”. Развернутая аргументация выдвигаемых положений, как правило, не приводится, а материалы одних и тех же памятников трактуются разными исследователями с противоположных позиций. Причину следует искать прежде всего в отсутствии серьезных проработок вещевого комплекса, в акцентировании внимания на погребальном обряде ярких, но немногочисленных захоронений, которые подчас отрываются от основного массива рядовых памятников. Такой подход не может не вызвать возражений. Необходим углубленный анализ культурных компонентов с опорой на выраженные индикаторы.

Одним из таких индикаторов в культурах абашевского круга доно-волжско-уральского региона являются миниатюрные остросеребряные сосуды. Их своеобразие выражено настолько ярко, что появление подобной керамики в комплексах сигнализирует об абашевской принадлежности комплексов или же о присутствии абашевского компонента в них. При этом остросеребряные сосуды, найденные почти исключительно в погребальных и культовых памятниках, а на поселениях они единичны.

В настоящее время известно свыше ста абашевских остросеребряных сосудов. Их распространение полностью совпадает с очерченной нами территорией абашевской общности (Пряхин 1976, 1977). Более того, подобные сосудики встречаются и там, где абашевские памятники как массовое явление не отмечены. Изучение морфологических особенностей остросеребряных сосудиков показало наличие среди них как общеабашевских разновидностей, так и форм, характерных для определенных регионов, причем в наиболее “чистом” виде представлены сосуды доно-волжской абашевской культуры, где практически не выражены ни уральские, ни средневолжские воздействия (Беседин 1993).

Сегодняшний уровень периодизации средневолжской и уральской абашевских культур не позволяет аргументированно выделить в них наиболее ранние разновидности. Тем не менее отметим, что именно на сосудах общеабашевских разновидностей

уральской абашевской культуры в наименьшей степени представлены местные орнаментальные композиции. Показательно, что и острореберные сосудики из Синташты не имеют характерных уральских особенностей. В то же время, сосудики с уральскими чертами представлены в Заволжье, в памятниках потаповского типа. Но в синхронных памятниках доно-волжского междуречья, в том числе и тех, где отмечены другие уральские керамические традиции (Власовка, Филатовка), острореберные сосуды имеют отчетливо выраженный местный характер. Не случайно именно доно-волжские традиции получают развитие в более поздних памятниках южнорусского типа, и не только в лесостепном Подонье, но и в степном Заволжье.

Для финала абашевских древностей, а как реминисценция — и в срубных памятниках, фиксируется сохранение идеи установки в могилы миниатюрных сосудов в паре с более крупными, хотя “классическую” острореберность они уже утратили.

Подчеркнем особые ритуальные функции рассматриваемой категории керамики, что исключает ее появление в “неабашевских” комплексах как проявление случайности. Видимо, включение острореберного сосуда в состав погребального инвентаря должно было подчеркивать этнокультурную принадлежность (или этнокультурную ориентацию) погребенного. Наличие этих сосудов в социально-значимых погребениях эпохи средней бронзы доно-волжско-уральского региона дает основание утверждать, что наметившаяся тенденция к сужению содержания понятия “абашевская культурно-историческая общность”, к преуменьшению абашевского воздействия на культурогенетические процессы в этом регионе, как минимум, не вполне корректна.

Р. А. Литвиненко
(Донецк)

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУР МНОГОВАЛНКОВОЙ КЕРАМИКИ И ДОНО-ВОЛЖСКОЙ АБАШЕВСКОЙ

Культура многовалнковой керамики (КМК) и доно-волжская абашевская (АК) представляют собой посткатакомбный и, соответственно, предсрубный горизонт памятников Волго-Днепровс-

кого междуречья. Первая занимает, главным образом, степь, а вторая – лесостепную зону (Пряхин 1977; Березанская 1979). В настоящее время достаточно убедительно аргументируется общая синхронность названных культурных образований (Березанская 1986). Что же касается территориально-хронологических особенностей, то они остаются дискуссионными, хотя и имеют при этом принципиальное значение как для изучения предсрубного горизонта, так и для понимания процесса сложения срубной культуры различных регионов. Решение спорных вопросов сегодня возможно благодаря привлечению к анализу погребальных памятников, которые: во-первых, по сравнению с поселениями, являются более массовым источником; во-вторых, характеризуются разработанной системой периодизации; в-третьих, дают наиболее надежные свидетельства относительной хронологии разнокультурных памятников в стратифицированных курганах.

Примененный для выяснения территориального соотношения КМК и АК метод картографирования показал, что на различных этапах их границы существенно изменялись. При этом мы исходили из выявленной ранее в Доно-Донецком междуречье ситуации, согласно которой в период поздней КМК наблюдается передвижение носителей абашевско-срубных или покровских памятников на юг (Литвиненко 1994). Таким образом, для обеих культур проводилось картографирование памятников двух периодов: раннего, включающего ранний и средний этапы культуры, и позднего, соответствующего позднему этапу (Писларий 1983; Пряхин 1977).

Ранний период (рис. 1: 1). Памятники КМК занимают область ограниченную с севера верховьями Псла, Ворсклы и левобережных притоков Северского Донца; с юга – Нижним Доном и, частично, Азовским морем; с востока – Волго-Донским междуречьем; с запада – Днепром и Псом. При этом западные и, особенно, восточные регионы отличаются крайне незначительной плотностью памятников. Интересующая нас южная граница АК в это время проходит приблизительно от устья Б. Иргиза на Волге до устья Битюга на Дону, на западе достигая верховьев Сокола и Десны, а далее поднимаясь к северу.

Поздний период (рис. 1: 2). Происходят существенные изменения ареала КМК: северная граница сместилась к югу на Северский Донец; восточная – отошла в Приазовье за Кальмиус;

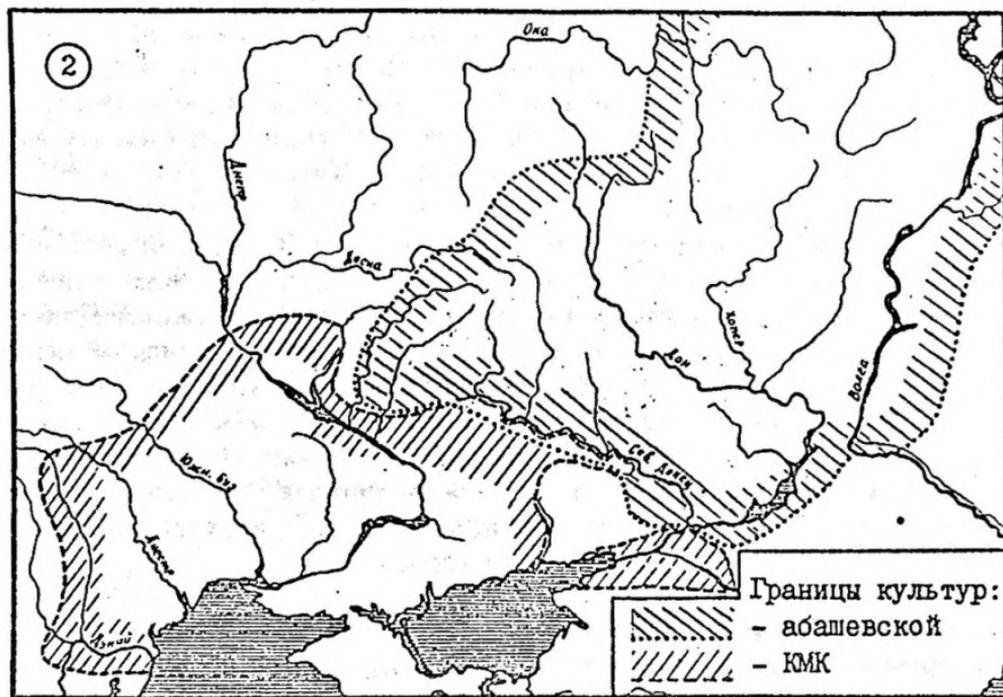
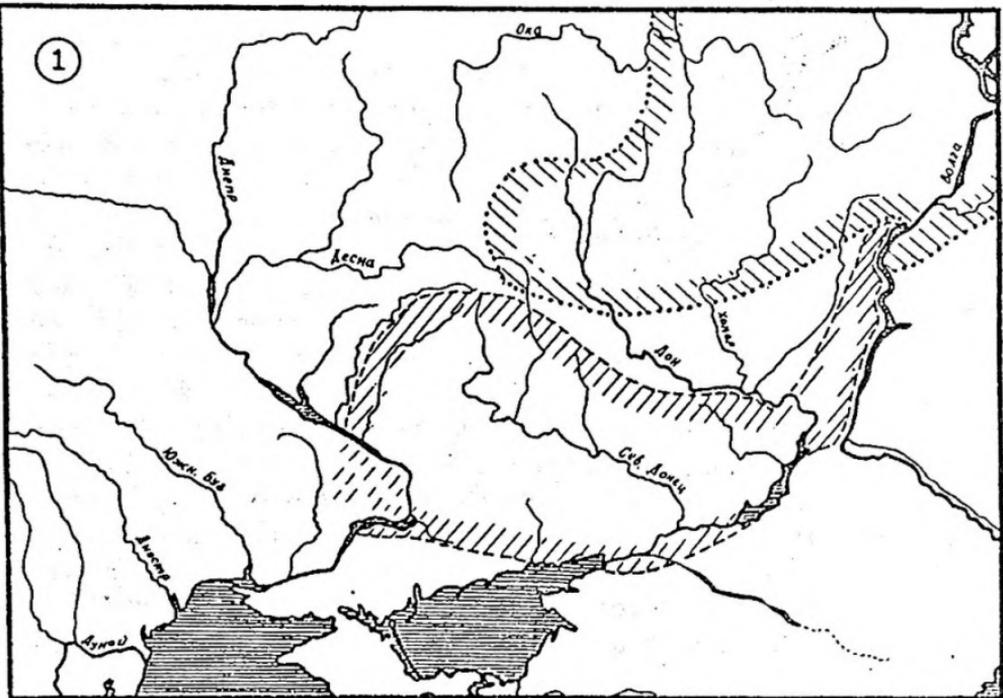

Рис. 1. Территориально-хронологическое соотношение культур многоваликовой керамики и абашевской: 1 – ранний этап; 2 – поздний этап.

западная – передвинулась за Дунай и Прут, а на северо-западе – в Среднее Поднепровье, почти до Десны. Осталась локальная группа КМК в низовьях Дона. Область АК значительно расширяется в южном и юго-западном направлениях, достигая нижнего Дона, Северского Донца, лесостепного левобережья Днепра до Псла. При этом наиболее южные и западные памятники представлены уже комплексами с размытыми абашевскими (покровскими) чертами (Э. Шарафутдинова 1993; Литвищенко 1993).

Выявленные путем картографирования могильников изменения границ, вероятнее всего, следует понимать, как отражение миграции носителей покровских (абашевско-срубных) древностей в южном и юго-западном направлении. Следствием этой миграции, очевидно, явилось продвижение на запад племен КМК. О времени этих событий можно наиболее достоверно судить на основании стратиграфии могильников, исследованных в зоне контакта культур. В курганах Верхнего Чира (Ясиновский-1 к. 1), Нижнего Дона (Кириичный бугор) и Северского Донца (Райгородка к. 2, Смелое к. 1, Николаевка к. 3, Ворошиловград к. 3) зафиксированы случаи чересполосной и одновременной стратиграфии погребений покровского типа и поздней КМК (Э. Шарафутдинова 1990; Литвищенко 1994). Достоверно выяснить хронологическое соотношение КМК и АК на раннем этапе аналогичным образом невозможно, поскольку культуры в этот период занимают различные регионы. Приграничные же области археологически исследованы крайне слабо. Известная в литературе точка зрения о частичном предшествовании на Дону КМК абашевской культуре (Березанская 1986; 1987; 1990), основана на материале поселений, на которых абашевские комплексы перекрывают слои не КМК, а среднедонской катакомбной культуры позднего этапа с характерной для нее многоваликовой керамикой.

Э. С. Шарафутдинова
(Санкт-Петербург)

Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье

Эпоха поздней бронзы южной половины Восточной Европы отмечена появлением целого ряда новых черт в различных обла-

стях культуры и прежде всего – в металлопроизводстве. По мере уточнения хронологии выяснилось, что эти инновации раньше всего оформляются в волго-уральском очаге культурогенеза (Бочкарев 1991, 1993, 1995). Отсюда они распространились на другие территории Восточной Европы и Казахстана. Происходило это различными путями, включая миграцию части населения. Отражением намеченных процессов явилось появление в бассейне Северского Донца и Нижнем Подонье памятников покровского типа (ППТ). Есть основания относить эти памятники к начальному этапу эпохи поздней бронзы и связывать с ними происхождение срубной культуры.

Представление о ППТ как особом культурном явлении в литературе складывалось постепенно (Рыков 1927; Халиков 1976, 1989; О. Кузьмина 1983; Малов 1992). К настоящему времени определены основные признаки ППТ, их хронология и территория распространения.

По ряду признаков ППТ сближаются как с абашевской, так и со срубной культурами. Это породило ошибочное мнение о синкретическом характере древностей. Их стали именовать срубно-абашевскими или абашевско-срубными. В действительности оказалось, что указанное сходство объясняется генетическими связями и промежуточным хронологическим положением ППТ: они моложе абашевской культуры, но старше срубной. Выяснилось, что ППТ имеют целый набор оригинальных, только им присущих черт. Они проявляются в погребальном обряде, керамике, металлических изделиях и в других категориях материала.

Установлено, что ареал ППТ простирается от Южного Приуралья до Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. Два последних региона относятся к числу периферийных, в которых многие черты ППТ выглядят не столь ярко и разнообразно (Литвиненко 1991, 1993; Э. Шарафутдинова 1993, 1994). Здесь ППТ представлены в сравнительно небольшом количестве и в основном погребениями. На Северском Донце учтено 100–110 погребений (13–15 % от общего числа погребений эпохи поздней бронзы), а на Нижнем Дону – 55–60 (4,5%).

Для погребального обряда ППТ бассейна Северского Донца и Нижнего Подонья в целом характерны общепокровские черты. Но, вместе с тем, имеются и определенные отличия. Обычно погребения находятся в слабо скорченном положении (Северский

Донец – 82,5 %, Нижний Дон – 75,4 %), на левом боку и ориентированы головой в северном и северо-восточном направлениях (чаще на Северском Донце). По сравнению с другими районами распространения ИТТ, здесь несколько сокращается процент погребений с северо-западной ориентировкой и возрастает (особенно на Нижнем Дону) процент погребений с восточной ориентировкой (см. таблицу). Кисти рук погребенных всегда находятся у черена, перед лицевыми костями.

	Север	Сев.-Восток	Сев.-Запад	Восток
Северский Донец	31 %	39 %	11,5 %	16,6 %
Нижний Дон	16 %	49 %	9 %	25 %

Как правило, могилы снабжены керамической посудой. Иногда число сосудов доходит до 6. Чаще всего посуда размещена в погребениях в соответствии с покровскими традициями: за затылком или теменем, за спиной или тазом, у бедер, колен или стоп. Значительно реже посуда помещена в погребение по “срубному образцу”: перед черепом и кистями рук.

В ИТТ весьма оцутимо “абашевское наследие”, но обычно оно уже имеет трансформированный, переработанный вид. Лучшие всего абашевские традиции представлены в керамике (колоковидность и приземистость форм, короткий раструбный венчик с внутренним уступом и желобком, биконичность форм с острым ребром, горизонтальные желобки под устьем и т. д.). К числу типичных покровских форм следует отнести многочисленные горшковидные сосуды со слабой или более четкой профилировкой. На некоторых из них прослеживаются позднекатакомбные черты (в их среднедонском варианте) – высокий венчик-раструб, вытянутые пропорции хорошо профилированных форм, орнамент в виде вертикальной “елочки”, крупные насечки по краю устья и проч. Ко второй категории покровской керамики принадлежат банки. Они также очень многочисленны и отличаются разнообразием размеров и пропорций. Более редка третья категория посуды: различного рода биконические и острореберные сосуды; они варьируют по пропорциям, размерам и морфологическим деталям. Все указанные разновидности керамики нередко орнаментированы, порой – весьма разнообразно. В этом отношении выделяются острореберные сосуды: орнаменты нане-

сены зубчатыми, реже, веревочными (на некоторых острореберных сосудах) штампами, а также прочерченными линиями, насечками, ямками.

Остальной инвентарь северодонецких и нижнедонских погребений имеет общепокровский характер, хотя его состав не столь разнообразен, как на Среднем Дону или в Поволжье. Погребальный инвентарь разделяется на две группы — “женскую” и “мужскую”. В первый набор входят бронзовые иглы и шилья, маленькие округлые и более крупные удлиненные подвески в полтора оборота, сурьмяные подвески и бусы, а также бусы из кости, пасты, фаянса, известняка, нефрита, халцедона, костяные гребни и пряслица. Во втором наборе представлены каменные булавы, костяные проножи, кольца, цилиндрики, втулки, навершия, а также поясные пряжки, характерные для поздних памятников бабинской культуры (КМК). Эти два набора никогда не смешиваются друг с другом. Разумеется, это не означает, что погребения с таким набором не имели общих категорий инвентаря. Кроме керамики, к таким категориям относятся, в частности, бронзовые ножи (со змеевидным окончанием черенка и без него; последняя разновидность продолжала существовать и в срубной культуре).

Следует отметить, что не все черты, характерные для центральных районов распространения ППТ, фиксируются в нижнедонских и северодонецких памятниках. Так, среди последних отсутствуют воинские погребения, слабее выражены абашевские и синташтинские элементы, редки коллективные захоронения. На мой взгляд, все это объясняется периферийным характером нижнедонских и северодонецких ППТ, их более поздним возрастом. Последнее предположение подтверждается тем, что на Нижнем Дону и Северском Донце заметно присутствие черт срубной культуры — увеличивается число костяков со средней степенью скорченности, возрастает процент восточной ориентировки, чаще встречаются сосуды срубного облика (банки со стянутым устьем и прямыми, расширенными вверх стенками, острореберные сосуды характерных пропорций, стандартный орнамент). Во всем этом проявляется одна из сторон механизма культурогенеза: эволюция ППТ в срубную культуру. Этот достаточно плавный и постепенный переход объясняет присутствие целой серии так называемых переходных памятников, точная культурная атрибуция которых порой затруднена.

Хронологическая позиция ППТ достаточно определена. Они следуют за памятниками заключительного этапа эпохи средней бронзы и предшествуют срубным. Это подтверждается прямой стратиграфией, которая в 11 случаях прослежена на Северском Донце (Литвиненко 1991, 1994). Погребения ППТ являлись впускными при основных погребениях бабинской культуры (КМК). В трех курганах покровские погребения непосредственно перекрывали могилы КМК. На Нижнем Дону прямая стратиграфия, аналогичная северодонецкой, зафиксирована только один раз (могильник "Горный"). Прямая стратиграфия покровских и сменяющих их срубных погребений редка, но все же отмечено 7 таких случаев на Северском Донце (Литвиненко 1991).

По-видимому, можно утверждать, что появление ППТ в бассейне Северского Донца и на Нижнем Дону – результат миграции населения из пределов Среднего Подонья (для Северского Донца) и Волго-Донского междуречья (?) (для Нижнего Подонья). На всей территории распространения ППТ шел процесс их трансформации в срубную культуру. Очевидно, более интенсивно он протекал в Поволжье и Среднем Подонье, чем в такой периферийной зоне как бассейн Северского Донца и Нижнего Подонья. Однако, и здесь этот процесс имел место.

В заключение еще раз подчеркну, что появление памятников покровского типа означает начало развития культур эпохи поздней бронзы на территории Нижнего Подонья и бассейна Северского Донца.

В. Н. Горбов
(Донецк)

САБАТИНОВСКАЯ КУЛЬТУРА: ВОЗВРАЩАЯСЬ К КУЛЬТУРНЫМ ИНДИКАТОРАМ

Выделение сабастиновской культуры свелось в немалой степени к поиску доказательств ее отличия от срубной культуры, а шире – от западного (Ноа, Сабастиновка, Кослоджень) и восточного (срубно-андроновского) миров (И. Шарафутдинова 1968; 1982; 1986; Черняков 1985). Признание большинством исследователей сабастиновской культуры не является, тем не менее, подтверждением незыблемости и окончательности выбранных

культурных индикаторов. Рассмотрим некоторые из них (исключая металлообработку, требующую специального рассмотрения).

Домостроительство. Одной из особенностей сабатиновской культуры традиционно считается широкое применение камня в домостроительстве. Но на сегодняшний день исследовано значительное количество срубных и андроновских поселений, на которых жилища сооружались с применением камня. Следовательно, только факт использования камня не может быть культурным индикатором. Речь должна идти о технике домостроительства. Выделяется две традиции каменного домостроительства: западная (сабатиновская) и восточная (срубно-андроновская). Для первой характерно: преобладание наземных жилищ; глинобитные стены, сооруженные на каменном цоколе, представляющем мощную несущую конструкцию; как следствие — тенденция к подпрямоугольной форме помещений; хорошо укрепленные углы; контрфорсы для укрепления стен. Для второй: преобладание углубленных жилищ; сооружение дерновых стен на горизонте; использование камня для облицовки стен котлованов и входных коридоров (изолирующая, а не несущая конструкция); как следствие — помещения нередко аморфные в плане; углы скруглены и выполнены небрежно; отсутствуют контрфорсы.

Косторезное производство. Принято считать, что развитое косторезное производство — признак сабатиновской культуры — подчеркивается наличие специализированных косторезных мастерских. Однако, срубные поселения Северо-Восточного Приазовья, Северского Донца, Среднего и Нижнего Дона дают значительные коллекции изделий из кости, по количеству и ассортименту не уступающие сабатиновским. Более того, в поздних жилищах поселения Безыменное-II (Северо-Восточное Приазовье) выявлены следы производственных комплексов. Вряд ли их, как и сабатиновские, корректно называть ремесленными мастерскими. Для уровня развития социальных отношений бронзового века скорее характерна так называемая работа на заказ, обслуживающая узкий круг потребителей и не являющаяся основной функцией производителей. (за исключением металлургов). Судя по набору орудий, это комплексы по обработке кожи. Естественно, достаточно простые орудия из кости кожевник делал сам, а не обращался к косторезу. Как бы там ни было, значительное количество изделий из кости и наличие производственных комп-

лексов не являются культурным индикатором. Набор костяных орудий кожевенного производства в сравниваемых культурах близок. Общеизвестно, что для сабашиновской культуры характерны штампы и редки коньки, для срубной – наоборот. Выявляется еще ряд отличий, при этом только первые шаги сделаны в сравнении технологии и подбора сырья (Усачук 1994). Перспективно сопоставление изделий, требующих определенного уровня косторезного мастерства (украшения, детали конской сбрун, наконечники стрел и т. д.). Например, в западных культурах распространены костяные (и аналогичные им бронзовые) булавки, использовавшиеся для скрепления плаща. Такие булавки практически неизвестны у носителей срубной культуры, что, видимо, свидетельствует о различиях в одежде. Характерно, что в белозерское время фибулы, как более совершенный вид застежек, распространены в западных культурах, а не в восточных.

Керамическое производство. К особенностям сабашиновского керамического комплекса относят характерную столовую посуду, применение техники лощения керамики, значительный процент (среди кухонной и тарной посуды) сосудов с наlepным валиком. Если первый признак не вызывает сомнений, то вопрос о технологии обработки поверхности сосудов является более сложным. Действительно, исходно для керамической традиции срубной культуры лощение не характерно. Более того, для эстетических принципов носителей этой культуры характерно тяготение к нарочито “огрубленной” поверхности. Для этого использовали определенный набор орудий, среди которых особое место занимали зубчатые штампы (Горбов, Усачук 1993). К позднесрубному времени увеличивается количество сосудов с хорошо заглаженной поверхностью, появляется лощение. Но западная и восточная технологии лощения отличаются как по набору орудий, так и по их применению. Таким образом, наличие лощения не может быть культурным признаком. Ни наличие наlepного валика, ни процентные показатели этого признака не могут рассматриваться как признак сабашиновской посуды. Более того, кухонная посуда срубной и сабашиновской культур зачастую трудно отличима. Культурным индикатором выступает не столько форма сосуда, сколько орнаментация валика. Если валик на сосудах западных культур орнаментирован вдавлениями, насечками или оставлен гладким, то для восточных, помимо указанных способов, харак-

терна орнаментация штампом, косыми крестами, "сеточкой", "елочкой" и др., а также примененные "воротничков".

В белозерское время в Северо-Восточном Приазовье, на Северском Донце и Нижнем Дону продолжают существование позднесрубные памятники, входящие в один круг с восточными валиковыми культурами. Дивергенционные процессы конца бронзового века приводят к тому, что отличие этих памятников от белозерско-тудоровских еще рельефнее, чем между срубной и сабашиновской культурами. Хорошо известны отличия в погребальном обряде. В Причерноморье каменное домостроительство сменяется земляночным. На позднесрубных поселениях Приазовья продолжается применение камня при усложнении планировки жилищ. Частота применения валиков и "воротничков" на керамике восточных культур увеличивается, а на керамике тудоровского облика уменьшается, вплоть до полного исчезновения. В Причерноморье фиксируется кризис косторезного производства. Впрочем, речь идет лишь об исчезновении костяных орудий кожевенного промысла, то есть о переходе к новой технологии обработки кожи. Индивидуальное мастерство в изготовлении других изделий из кости остается высоким. Прежним остается и ассортимент позднесрубных изделий из кости.

Изложенные соображения являются лишь беглым взглядом на проблему. Совершенно очевидно, что назрела необходимость пересмотра устоявшихся культурных индикаторов и поиск новых. Сравнение на уровне "наличие-отсутствие" не работает. Необходим поиск концептуальных "мелочей".

А. Н. Усачук
(Донецк)

РАЗЛИЧИЯ В КОСТОРЕЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ДВУХ РЕГИОНОВ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследования поселений срубной культуры бассейна Северского Донца начались в 50-е годы. На сегодняшний день в Подонцовье раскопками различного масштаба исследовано более 20 поселений. Южнее, в Северо-Восточном Приазовье срубные поселения изучены меньше: 4 – в бассейне р. Кальмиус (Горбов, Привалова 1989) и 4 – в приморской зоне Приазовской низмен-

ности. На поселениях приморской зоны зафиксировано интенсивное использование орудий из кости. Обработка больших коллекций костяного инвентаря (Широкая Балка-II, Безыменное-I и II) позволяет сравнить косторезное производство двух регионов срубной культуры: Подонцовья (север) и Северо-Восточного Приазовья (юг). На большинстве поселений срубной культуры среди костяных орудий преобладают орудия кожевенного производства (Килейников 1985; Ляшко 1990, 1994). Это характерно и почти для всех поселений Подонцовья и Приазовья.

Самая многочисленная группа орудий для обработки кожи в обоих регионах – тупики из нижних челюстей крупного рогатого скота (КРС). Но в Подонцовье очень редки орудия из правых половин нижней челюсти КРС. Технология изготовления тупиков традиционна (Килейников 1989; Усачук 1994), хотя трасологическое изучение орудий ряда поселений позволяет наметить расхождение в деталях: в Подонцовье, как правило, уточнен (подрезан) рабочий край тупиков, а в Приазовье подобный прием применяли очень редко. Большинство тупиков имеют округлую неровную рабочую кромку (рис. 2: 1, 2). Больше внимания на срубных поселениях Северского Донца обращали на оформление резцовой части тела челюсти: срезка металлическим лезвием, парезание паза (Капитаново-1, Ильичевка, Глубокое озеро-2, Проказино, Лиман). Иногда растачивали нижнечелюстной канал, проходящий через резцовую часть тела челюсти – для дополнительной рукоятки (?) (Ильичевка). На большинстве тупиков из Северо-Восточного Приазовья резцовая часть челюсти обработана менее аккуратно или вообще не обработана (рис. 2: 2).

Складывается впечатление, что в Приазовье при изготовлении тупиков иногда использовали вместо рубки-резки альвеолярной стенки челюсти архаичную технику оббивки (откалывания), что ускоряло процесс изготовления (Жилин 1993). Хотя в большинстве случаев при изготовлении тупиков зубы удаляли, в Подонцовье изредка использовали челюсти без удаления зубов (Усово озеро, Капитаново-1) или без вырубки (вырезки) альвеол и медиальной (внутренней) поверхности тела челюсти.

Второй по численности категорией костяных орудий кожевенного производства для поселений Северо-Восточного Приазовья являются коньки (Усачук 1994). На поселениях бассейна

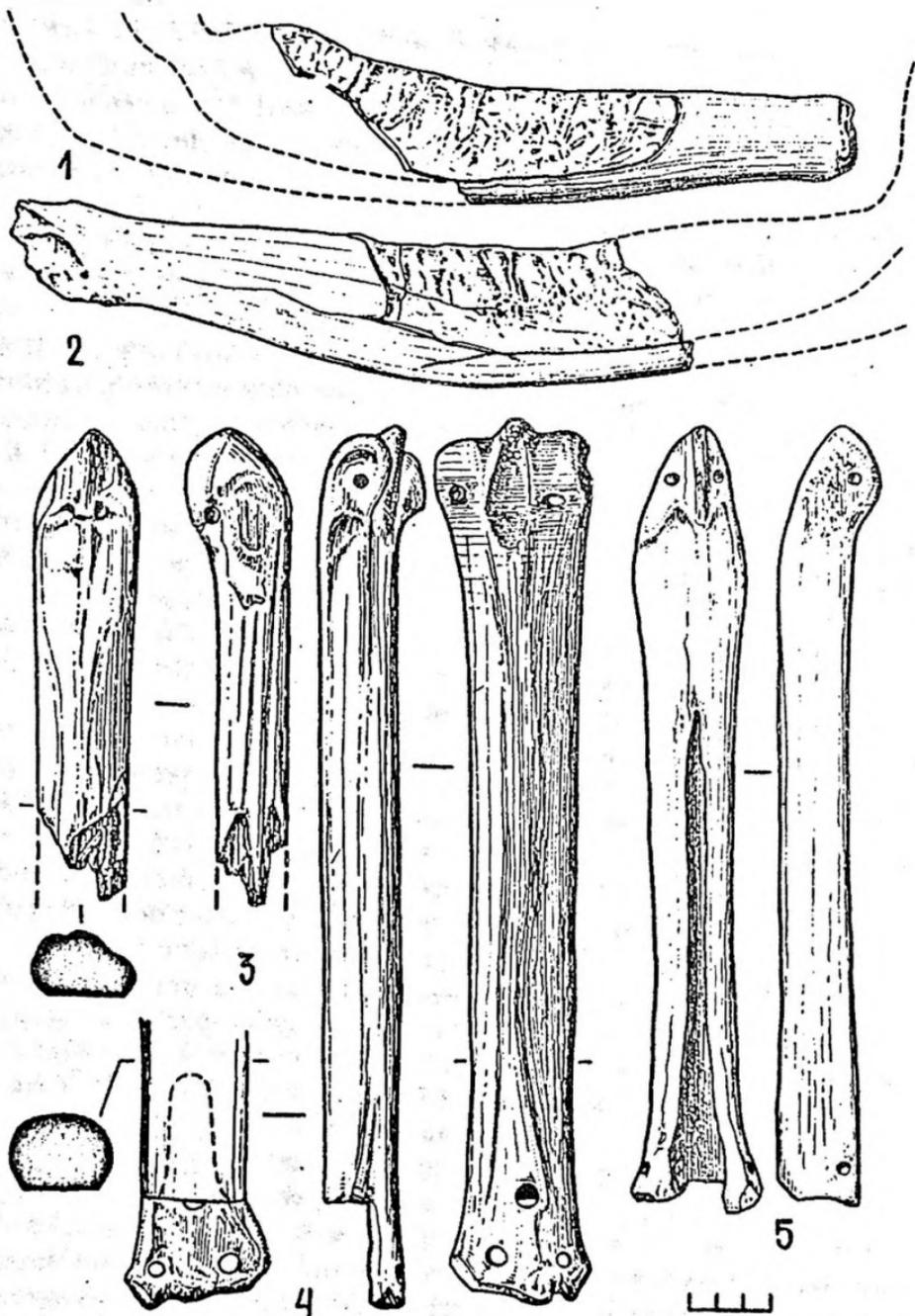

Рис. 2. Костяные орудия: 1 - 4 - Безыменное-II (Северо-Восточное Приазовье); 5 - Александровск (Подощевье).

Северского Донца коньки встречаются гораздо реже. Небольшое их количество (13) найдено во втором сабатиновском горизонте Ильичевки (Шаповалов 1976). На других поселениях Подонцовья – гораздо меньше: Усово озеро – 2, Капитаново-1 – 1, Александровск – несколько экземпляров. На целом ряде памятников региона коньки вообще отсутствуют (Провалье, Проказино, Лиман, Пилипчатино 1 и 2). В качестве сырья для коньков в Приазовье использовали плюсовые и пястные кости лошади и только в виде редкого исключения – лучевые кости взрослых особей КРС. В Подонцовье выше процент использования лучевых костей КРС для изготовления коньков. На поселениях Подонцовья почти все коньки – со сточенным с боков блоком дистального конца (рис. 2: 5). Памятники Приазовья дают две группы коньков: со сточенным (рис. 2: 3) и без сточенного (рис. 2: 4) блока (Усачук 1994). Кроме того, коньки второй группы имеют несколько вариантов крепления по краям блока. Только в Приазовье зафиксирован и оригинальный вариант крепления проксимального конца конька в виде выступа (рис. 2: 4).

И в Приазовье, и в Подонцовье широко употребляли полифункциональные орудия из лопаток КРС и лошади. На изделиях из Приазовья часто присутствуют небольшие вырезанные отверстия в теле лопаток (Усачук 1994, 1995). На лопатках из срубных поселений Подонцовья отверстия не зафиксированы. В Приазовье, несмотря на обилие тупиков, нет экземпляров с большими отверстиями, вырезанными в плоской широкой кости челюстной ветви. Такие тупики с отверстиями изредка встречены только в Подонцовье (Ильичевка, Новоселовка-1). В Подонцовье больше употребляли разнообразные проколки (Усово озеро, Рубцы, Лиман, Капитаново-1), рукоятки из трубчатых костей копытных, ложила и скребки из фрагментов тазовых костей крупных копытных, а в качестве сырья чаще использовали рога лося и благородного оленя и, может быть, нижние челюсти лошади. Меньшее количество костяных орудий для обработки кожи на поселениях бассейна Северского Донца обусловлено, вероятно, использованием орудий из кремня (Кравец 1987; Березанская 1990) и металла. В районе Северо-Восточного Приазовья выходы кремня отсутствуют, в материалах поселений чрезвычайно мало кремневых и бронзовых изделий. Утончение (подрезку) рабочего края тупиков производили при использовании этих

орудий для мездрения шкур (Килейников 1985). При волососго-нке рабочий край намеренно оставляли округлым. Очевидно, на поселениях Подонцовья тупики больше служили орудиями мездрения. Для очистки шкур от волос чаще использовали двуручные струги из ребер крупных копытных (Ильичевка, Лиман, Проказино) и орудия из фрагментов тазовых костей.

Различия в использовании тупиков, а также проколов, коньков и т. д. отражают, вероятно, разные варианты производственной специализации в рамках кожевенного производства двух регионов. Скорее всего, традиции использования орудий из кости в Подонцовье следует связывать с более северными территориями – районом распространения донской лесостепной срубной культуры. Развитие же косторезного производства Северо-Восточного Приазовья происходило с ориентацией на иное (восточное ?) направление. Хотя различия в использовании костяных орудий населением двух регионов не столь велики, они накладываются на различия погребального обряда и палеоантропологии этих же регионов (Литвиненко 1992; Шенель 1981, 1985, 1990).

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

В. М. Массон Конвергенция и дивергенция в процессе развития древних культур.....	5
Н. М. Малов Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции – звено мозаичной мироцелостности.....	7
Е. Е. Кузьмина Процессы конвергенции и дивергенции в истории народов степной зоны Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке.....	11
Г. Ф. Коробкова Функционально-производственные стимулы конвергентных явлений.....	13
В. С. Бочкарев Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы.....	18
Ю. Е. Березкин Арканм как церемониальный центр: взгляд американиста.....	29

II. КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

И. И. Мовчан, Е. В. Цвек Этнокультурные процессы в эпоху энеолита на территории Украины и Молдовы.....	40
И. Л. Алексеева Особенности конвергентного развития степных культур эпохи энеолита – ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье.....	42
В. Г. Петренко Контактная конвергенция и культурогенез в энеолите Северо-Западного Причерноморья.....	44
Н. Н. Скакун, Е. Г. Старкова, Н. В. Риндюк Северо-западные памятники Триполья и соседние культуры.....	45
Ю. Я. Рассмакин Поздний энеолит – ранний бронзовый век степного Причерноморья: проблема “скачка” в развитии древних скотоводов.....	46
Г. Н. Поплевко Хозяйство поселения эпохи ранней бронзы Константиновка.....	49
Т. М. Гусенцова О путях сближения культурных традиций в неолите лесного Приуралья.....	52

В. Т. Ковалева Нижнее Притоболье в энеолите – начале бронзового века: взаимодействие культур и этносов.....	53
А. В. Шаманаев Каменные индустрии энеолита – раннебронзового века в Нижнем Притоболье	56
А. Д. Резепкин Культурно-хронологическая ситуация на Северном Кавказе в эпоху энеолита – ранней бронзы.....	59
М. Б. Рысин К вопросу о культурных общностях и дифференциации в эпоху средней бронзы на Кавказе.....	62
К. Х. Кушнарера К вопросу о критериях финального этапа эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзе на Южном Кавказе.....	65
Н. Б. Виноградов Южные мотивы в керамических комплексах эпохи бронзы в Южном Зауралье	71
В. В. Филиппченко Мозаика культур волго-донской культурно-исторической области в эпоху средней бронзы.....	74
Ю. П. Матвеев, А. Д. Пряхин Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы доно-волжско-уральской лесостепи	76
В. И. Беседин, А. Д. Пряхин Миниатюрные острореберные сосуды в системе оценки абашевских древностей	78
Р. А. Литвиненко Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской.....	80
Э. С. Шарафутдинова Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье	83
В. Н. Горбов Сабатиновская культура: возвращаясь к культурным индикаторам	87
А. Н. Усачук Различия в косторезном производстве двух регионов срубной культуры	90

CONTENTS

I. GENERAL SUBJECTS.

V. M. Masson Convergence and divergence in the development of prehistoric cultures.....	5
N. M. Malov Indoeuropean nonurbanistic civilization of the Chalcolithic and the Bronze Age of Eurasian pastoral historical-cultural province: a link in a tessellated micointegrity.....	7
E. E. Kuz'mina The processes of convergence and divergence in the history of peoples of the East European steppe zone during the Chalcolithic and the Bronze Age.....	11
G. F. Korobkova Functional and production incentives of the convergent trajectories.....	13
V. S. Bochkaryev Carpathian-Danubian and Volga-Ural centres of the cultural genesis of the Bronze Age.....	18
Y. E. Berezkin Arkaim as a ceremonial center: in light of Amerindian data.....	29

II. CULTURAL DIVERSITY AND THE DEVELOPMENT OF ECONOMY

I. I. Movchan, E. V. Tsvek Ethnic and cultural processes in Chalcolithic of Moldova and Ukraine.....	40
I. L. Alekseeva Some features in the development of steppes Chalcolithic - Early Bronze Age cultures at Northwestern Black Sea coast.....	42
V. G. Petrenko Contacts convergence and cultural genesis in Northwestern Black Sea coast Chalcolithic.....	44
N. N. Skakun, Y. G. Starkova, N. V. Rindyuk Northwestern Tripolye sites and the neighboring cultures.....	45
Y. Y. Rassamakin The Late Chalcolithic and the Early Bronze Age of the Black Sea steppe area: the problem of "the leap" in the development of the prehistoric pastoralists.....	46
G. N. Poplevko The economy of Konstantinovka settlement of the Early Bronze Age.....	49

T. M. Gusentsova Concerning the ways of the progressive increase of resemblance between cultural traditions of the forested zone of the Cis-Ural area.....	52
V. T. Kovaleva The Lower Tobol area in Chalcolithic – Early Bronze Age interaction of cultures and of ethnic groups.....	53
A. V. Shamanayev Stone industries of Chalcolithic – Early Bronze Age in the Lower Tobol area.....	56
A. D. Rezepkin Cultural-chronological situation on the North Caucasus in the Chalcolithic and the Early Bronze Age.....	59
M. B. Rysin Concerning the cultural unities and differentiation in the Middle Bronze Age of the Caucasus.....	62
K. Kh. Kushnareva Concerning the criteria for the definition of the final stage of the Middle Bronze Age and of the Late Bronze Age of the South Caucasus.....	65
N. B. Vinogradov Southern motifs in the ceramic complexes of the Bronze Age in the South Trans-Ural area.....	71
V. V. Filippchenko The mosaic of cultures of the Volga-Don cultural-historical area during the Middle Bronze Age.....	74
Y. P. Matveev, A. D. Pryakhin The interments of the chariot warriors of the partially-wooded steppe zone: the data on the basin of Don and the periodisation of the Bronze Age sites of the Don-Volga-Ural region.....	76
V. I. Besedin, A. D. Pryakhin The miniature sharp edge vessels in the system of the evaluation of Abashevo antiquities.....	78
R. A. Litvinenko Areal-chronological alignments between the Babino (KMK) and the Don-Volga Abashevo cultures.....	80
E. S. Sharafutdinova The initial stage of the Late Bronze Epoch on the Lower Don areas.....	83
V. N. Gorbov Sabatinovka culture: coming back to cultural indicators.....	87
A. N. Usachuk Differences in the bone carving craftsmanship between the two areas of Srubnaya culture.....	90

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ

для обсуждения на конференции

“Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы”.

21–25 августа 1995 года, г. Саратов

1. *Культурная мозаика и культурные общности.*
2. *Эпохальные типы образа жизни (степной, раннеземледельческий, и. т. п.) и проблема культурной конвергенции.*
3. *Передвижения племен, культурные воздействия и анти-теза конвергенции и дивергенции.*
4. *Конвергенция и культурная интеграция.*

THE MAIN TOPICS

for discussion on the meeting

“Convergence and divergence in the development of Chalcolithic – Bronze age Cultures in Middle and Eastern Europe”

August 21–25, 1995, Saratov

1. *The mosaic of ancient cultures and the cultural unity.*
2. *Epochal mode of life and the process of convergence (early agricultural, nomadic, steppe modes of life etc.).*
3. *The movements of tribes, cultural influences and the problem of dichotomy convergence – divergence.*
4. *Convergence and the cultural integration.*

Археологические изыскания ИИМК РАН

- Вып. 1** Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л. 1991
- Вып. 2** Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова). СПб. 1992
- Вып. 3** Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. Л. 1991
- Вып. 4** Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Тезисы докладов конференции. СПб. 1992
- Вып. 5** Л. Я. Крижевская. Начало неолита в степях Северо-Восточного Причерноморья. СПб. 1992
- Вып. 6** В. Я. Шумкин. Каменный век Восточной Лапландии. В печати.
- Вып. 7** Г. Н. Курочкин. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. СПб. 1993
- Вып. 8** М. Д. Хлобыстина. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб. 1993
- Вып. 9** К. Х. Кушнарера. Южный Кавказ в IX-II тыс. до н. э. СПб. 1993
- Вып. 10** AD POLUS. Сборник статей памяти Л. П. Хлобыстина. Изд-во "Фарн". СПб. 1993
- Вып. 11** Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. I-III. Материалы к конференции. СПб. 1993
- Вып. 12** Изучение памятников морской археологии. СПб. 1993
- Вып. 13** Взаимодействие культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. Материалы методологического семинара. СПб. 1994
- Вып. 14** Изучение древних культур и цивилизаций. Материалы к пленуму 5-7 апреля 1994 г. СПб. 1994
- Вып. 15** Н. Ю. Кузьмин. Курганы у деревни Новомихайловка (проблемы изучения культуры степных племен Енисея V-III вв. до н. э.). СПб. 1994
- Вып. 16** New Archaeological Discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. СПб. 1994
- Вып. 17** М. Д. Хлобыстина. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб. 1994
- Вып. 18** Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22-24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург). СПб. 1994
- Вып. 19** А. В. Субботин. Основные принципы компьютерной обработки массового тагарского материала (реферативное изложение). СПб. 1994
- Вып. 20** Фортификация в древности и средневековье (материалы методологического семинара ИИМК). СПб. 1995
- Вып. 21** Изучение памятников морской археологии. Т. 2. СПб. 1995
- Вып. 22** Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия (материалы пленума ИИМК. 11-14 апреля 1995 года). СПб. 1995
- Вып. 23** М. Д. Хлобыстина. Погребальные ритуалы первобытных эпох. Археология, этнография, фольклор. В печати.
- Вып. 24** Южная Сибирь в древности. В печати.